

ЗОЛОТОЙ ФОНД МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Шопенгауэр

Афоризмы

«Золотой фонд мировой литературы» — коллекция электронных книг, включающая лучшие образцы мировой художественной литературы, представляет собой максимально исчерпывающий список самых читаемых книг мира.

Каждое из произведений, изданных под обложкой этой серии, входит в один или сразу несколько списков лучших книг по разным версиям, которые не противопоставляются один другим, а гармонично объединяются, чтобы предоставить читателю наибольший выбор.

«Афоризмы житейской мудрости» — бессмертное творение Артура Шопенгауэра (1788–1860), выдающегося немецкого философа-иррационалиста.

Книга излагает рецепты Шопенгауэра, необходимые для счастливого существования человека и рассказывает о том, каким представлял путь к личному благоденствию этот самый пессимистичный философ первой половины 19 века.

Также в книге подробно рассмотрены противоположные счастью состояния — страдания, тяготы и горести, обогащающие человека бесценным опытом.

«Афоризмы житейской мудрости» рисуют перед читателем целостную и яркую картину философского осмысления жизни, написаны очень выразительным и лаконичным языком.

Артур Шопенгауэр

Афоризмы житейской мудрости

Глава первая

ОСНОВНОЕ ДЕЛЕНИЕ

Аристотель (Eth. Nicom. 1, 8) разделил блага человеческой жизни на 3 группы: блага внешние, духовные и телесные. Сохраняя лишь тройное деление, я утверждаю, что все, чем обуславливается различие в судьбе людей, может быть сведено к трем основным категориям.

1) Что такое человек: — т. е. личность его в самом широком смысле слова. Сюда следует отнести здоровье, силу, красоту, темперамент, нравственность, ум и степень его развития.

2) Что человек имеет: — т. е. имущество, находящееся в его собственности или владении.

3) Что представляет собою человек, этими словами подразумевается то, каким человек является в представлении других: как они его себе представляют, словом это — мнение остальных о нем, мнение, выражающееся вовне в его почете, положении и славе.

Перечисленные в первой рубрике элементы вложены в человека самой природой, из этого уже можно заключить, что влияние их на его счастье или несчастье значительно сильнее и глубже того, какое оказывается факторами двух других категорий, создающимися силами людей. По сравнению с истинными личными достоинствами — обширным умом или великим сердцем — все преимущества, доставляемые положением, рождением, хотя бы царственным, богатством и т. п. оказываются тем же, чем оказывается театральный король по сравнению с настоящим. Метродор, первый ученик Эпикура, так начинает одну из своих глав: «То, что находится внутри нас, более влияет на наше счастье, чем то, что вытекает из вещей внешнего мира» (см. Clemens Alex. Strom 11, 21, стр. 362 Вюрцбургского издания). Действительно, вполне бесспорно, что для блага индивидуума, даже больше — для его бытия, самым существенным является то, что в нем самом заключается или происходит. Только этим и обуславливается его чувство удовлетворения или неудовольствия, — являющееся ближайшим образом результатом ощущений, желаний и мыслей, все, лежащее вне этой области, имеет лишь косвенное влияние на человека. Потому-то одни и те же внешние события влияют на каждого совершенно различно, находясь в одинаковых обстоятельствах, люди все же живут в разных мирах. Непосредственно человек имеет дело лишь со своими собственными представлениями, ощущениями и движениями воли, явления внешнего мира влияют на него лишь постольку, поскольку ими вызываются явления во внутреннем мире. Мир, в котором живет человек, зависит, прежде всего, от того, как его данный человек понимает, а следовательно, от свойств его мозга: сообразно с последним мир оказывается то бедным, скучным и пошлым, то наоборот, богатым, полным интереса и величия. Обыкновенно завидуют тем, кому в жизни удавалось сталкиваться с интересными событиями, в таких случаях скорее стоит завидовать той собственности к восприятию, которая придает событию тот интерес, то значение, какое он имеет на взгляд рассказчика, одно и то же происшествие, представляющееся умному человеку глубоко интересным, превратилось бы, будучи воспринято пустынским пошляком, в скучнейшую сцену из плоской обыденщины. Особенно ясно это сказывается в некоторых стихотворениях Гете и Байрона, описывающих, по-видимому, действительно случившиеся происшествия: недалекий читатель склонен в таких случаях завидовать поэту в том, что на его долю выпало это происшествие, вместо того, чтобы завидовать его могучему воображению, превратившему какое-нибудь повседневное событие в нечто великое и красивое. Меланхолик примет за трагедию то, в чем сангвиник увидит лишь интересный инцидент, а флегматик — нечто, не заслуживающее внимания. Происходит это оттого, что действительность, т. е. всякий осуществившийся факт, состоит из двух половин: из субъективной и объективной, столь же необходимо и тесно связанных между собою, как водород и кислород в воде. При тождественных объективных и разных субъективных данных или наоборот, получаются две глубоко различные действительности: превосходящие объективные данные при тупой, скверной субъективной половине создадут в результате очень плохую действительность, подобно красивой местности, наблюдаемой в дурную погоду или через скверное стекло. Проще говоря, человек так же не может вылезти из своего сознания, как из своей шкуры, и непосредственно живет только в нем, потому-то так трудно помочь ему извне. На сцене один играет князя, другой — придворного, третий — слугу, солдата или генерала и т. п. Но эти различия суть чисто внешние, истинная же, внутренняя подкладка у всех участников одна и та же: бедный актер с его горем и нуждой. Так и в жизни. Различие в богатстве, в чине отводят каждому особую роль, но отнюдь не ею обуславливается распределение внутреннего счастья и довольства: и здесь в каждом таится один и тот же жалкий бедняк, подавленный заботами и горем, которое, правда, разнообразится в зависимости от субъекта, но в истинном своем существе остается неизменным, если и существует разница в степени, то она ни в коей мере не зависит от положения или богатства субъекта, т. е. от характера его роли.

Так как все существующее и происходящее существует и происходит непосредственно лишь в сознании человека, то, очевидно, свойства этого сознания существеннее всего и играют более важную роль, чем отражающиеся в нем образы. Все наслаждения и роскошь, воспринятые туманным сознанием глупца, окажутся жалкими по сравнению с сознанием Сервантеса, пишущего в тесной тюрьме своего Дон-Кихота.

Объективная половина действительности находится в руках судьбы, и потому изменчива, субъективное данное — это мы сами, в главных чертах оно неизменно. Вот почему жизнь каждого носит, несмотря на внешние перемены, с начала до конца один и тот же характер, ее можно сравнить с рядом вариаций на одну и ту же тему. Никто не может сбросить с себя свою индивидуальность. В какие условия ни поставить животное, оно всегда останется заключенным в том тесном круге, какой навеки очерчен для него природой, — почему, например, наше стремление осчастливить любимое животное может осуществиться вследствие этих границ его существа и сознания лишь в очень узких рамках. Так же и человек: его индивидуальность заранее определяет меру возможного для него счастья. Особенно прочно, притом навсегда, его духовные силы определяют способность к возвышенным наслаждениям. Раз эти силы ограничены, то все внешние усилия, все, что сделают для человека его ближние и удача, — все это не сможет возвысить человека над свойственным ему полуживотным счастьем и довольством, на его долю останутся чувственные удовольствия, тихая и уютная семейная жизнь, скверное общество и вульгарные развлечения. Даже образование может лишь очень мало содействовать расширению круга его наслаждений, ведь высшие, самые богатые по разнообразию, и наиболее привлекательные наслаждения — суть духовные, как бы мы в юности ни ошибались на этот счет, — а такие наслаждения обусловлены прежде всего нашими духовными силами.

Отсюда ясно, насколько наше счастье зависит от того, что мы такое, от нашей индивидуальности, обычно же при этом учитывается только судьба, — т. е. то, что мы имеем, и то, что мы собою представляем. Но судьба может улучшиться, к тому же при внутреннем богатстве человек не станет многого от нее требовать. Глупец всегда останется глупцом, и тупица — тупицей, будь они хоть в раю и окружены гуриями. Гете говорит:

Volk und Knecht und Überwinder
Sie gestehen, zu jeder Zeit,
Höchtes Glück der Erdenkinder
Sei nur die Persönlichkeit¹.

Что субъективная сторона несравненно важнее для нашего счастья и довольства, чем объективнее данные — это легко подтверждается хотя бы тем, напр., что голод — лучший повар, или что старик равнодушно смотрит на богиню юности — женщину, или, наконец, жизнью гения или святого. Особенно здоровье перевешивает все внешние блага настолько, что здоровый нищий счастливее больного короля. Спокойный, веселый темперамент, являющийся следствием хорошего здоровья и сильного организма, ясный, живой, пронизательный и правильно мыслящий ум, сдержанная воля и с тем вместе чистая совесть — вот блага, которых заменить не смогут никакие чины и сокровища. То, что человек значит для самого себя, что сопровождает его даже в одиночестве и что никем не может быть подарено или отнято — очевидно существеннее для него всего, чем он владеет, и чем он представляется другим людям. Умный человек в одиночестве найдет отличное развлечение в своих мыслях и воображении, тогда как даже непрерывная смена собеседников, спектаклей, поездок и увеселений не оградит тупицу от терзающей его скуки. Человек с хорошим, ровным, сдержанным характером даже в тяжелых условиях может чувствовать себя удовлетворенным, чего не достигнуть человеку алчному, завистливому и злому, как бы богат он ни был. Для того, кто одарен выдающимся умом и возвышенным характером, большинство излюбленных массою удовольствий — излишни, даже более — обременительны. Гораций говорит про себя: «Есть люди, не имеющие ни драгоценностей, ни мрамора, ни слоновой кости, ни Тирренских статуй, ни картин, ни серебра, ни окрашенных Гетулийским пурпуром одежд, но есть и такие, кто не заботится о том, чтобы иметь их», а Сократ, при виде выставленных к продаже предметов роскоши, воскликнул: «Сколько существует вещей, которые мне не нужны».

Итак, для нашего счастья то, что мы такое, — наша личность — является первым и важнейшим условием, уже потому, что сохраняется всегда и при всех обстоятельствах, к тому же она, в противоположность благам двух других категорий, не зависит от превратностей судьбы и не может быть отнята у нас. В этом смысле ценность ее абсолютна, тогда как ценность других благ — относительна. Отсюда следует, что человек гораздо менее подвержен внешним влияниям, чем это принято думать. Одно лишь всемогущее время властвует и здесь: ему поддаются постепенно и физические, и духовные элементы

¹ Народы, рабы и победители всегда признавали, что высшее благо человека — его личность.

человека, одна лишь моральная сторона характера недоступна ему. В этом отношении блага двух последних категорий имеют то преимущество перед благами первой, что время не может непосредственно их отнять. Второе преимущество их в том, что, существуя объективно, они достижимы по своей природе, по крайней мере перед каждым открыта возможность приобрести их, тогда как субъективная сторона не в нашей власти, создана *jure divino* неизменной раз навсегда. В этом смысле здесь вполне применимы слова Гете:

«Wie an dem Tag, der dich der Welt verliehen.
Die Sonne stand zum Gru? der Planeten,
Bist alsobald und fort und fort gediehen,
Nach dem Gesetz, wonach du angetreten.
So musst du sein, dir kannst du nicht entfliehen,
So sagten schon Sibyllen, so Propheten,
Und keine Zeit und keine Macht zerstückelt
Gepregte Form, die lebend sich entwickelt».²

Единственное, что мы в этом отношении можем сделать, это — использовать наши индивидуальные свойства с наибольшей для себя выгодой, сообразно с этим развивать соответствующие им стремления, и заботиться лишь о таком развитии, какое с ними согласуется, избегая всякого другого, словом — выбирать ту должность, занятие, тот образ жизни, какие подходят к нашей личности.

Человек геркулесовского сложения, необычайной физической силы, вынужденный в силу внешних обстоятельств вести сидячую жизнь за кропотливой ручной работой, за научным или умственным трудом, требующим совершенно иных, неразвитых у него сил, оставляющий неиспользованными те силы, которыми он так щедро наделен — такой человек всю жизнь будет несчастлив, еще, впрочем, несчастнее будет тот, в ком преобладают интеллектуальные силы и кто, оставляя их неразвитыми и неиспользованными, вынужден заниматься каким-либо простым, не требующим вовсе ума делом или даже физическим трудом, ему непосильным. Особенно в юности следует остерегаться приписывания себе избытка сил, которого на самом деле нет.

Из бесспорного перевеса благ первой категории над благами других двух вытекает, что благоразумнее заботиться о сохранении своего здоровья и о развитии способностей, чем о приумножении богатств, но этого не следует понимать в том смысле, будто надо пренебрегать приобретением всего необходимого или просто привычного нам. Подлинное богатство, т. е. большой избыток средств, немного способствует нашему счастью, если многие богачи чувствуют себя несчастными, то это оттого, что они не причастны истинной культуре духа, не имеют знаний, а с тем вместе и объективных интересов, которые могли бы подвигнуть их к умственному труду. То, что может дать богатство сверх удовлетворения насущных и естественных потребностей, мало влияет на наше внутреннее довольство: последнее скорее теряет от множества забот, неизбежно связанных с сохранением большого состояния. Тем не менее люди в тысячу раз более заняты приобретением богатства, чем культурою духа, как ни очевидно, что то, чем мы являемся на самом деле, значит для нашего счастья гораздо больше, чем то, что мы имеем.

Сколько людей, в постоянных хлопотах, неутомимо, как муравьи, с утра до вечера заняты увеличением уже существующего богатства, им чуждо все, что выходит из узкого круга направленных к этой цели средств: их пустая душа невосприимчива ни к чему иному. Высшие наслаждения — духовные — недоступны для них, тщетно стараются они заменить их отрывочными, мимолетными чувственными удовольствиями, требующими мало времени и много денег. Результаты счастливой, сопутствуемой удачею, жизни такого человека выразятся на склоне его дней в порядочной кучке золота, увеличить или промотать которую предоставляется наследникам. Такая жизнь, хотя и ведется с большою серьезностью и важностью, уже в силу этого так же глупа, как всякая, осуществляющая девиз дурацкого колпака.

Итак, то, что каждый имеет в себе, важнее всего для его счастья. Только потому, что счастья по общему правилу очень мало, большинство победивших в борьбе с нуждой чувствуют себя в сущности столь же несчастными, как те, кто еще борется с нею. Их внутренняя пустота, расплывчатость их сознания и бедность духовная гонят их в общество, которое, однако, состоит из им же подобных — *similis simili gaudet*. Тут предпринимается общая погоня за развлечениями, которых в начале ищут в чувственных наслаждениях, в различных удовольствиях и в конце концов — в излишествах. Источником той пагубной расточительности, благодаря которой столь многие сыновья, вступающие в жизнь богачами, проматывают огромные наследства, — является исключительно скука, вытекающая из только что описанной духовной

² Как в день, подаривший тебя миру, солнце приветствовало светила, так и ты рос по тем же законам, какие вызвали тебя к жизни. Таким ты всегда останешься, нельзя уйти от самого себя, так говорили сибиллы и пророки, никакая власть, никакое время не могут разбить раз созданной и развивающейся формы жизни.

несостоятельности и пустоты. Такой юноша, вступив в жизнь богатым с внешней стороны, но бедняком по внутреннему содержанию, тщетно старается заменить внутреннее богатство внешним, приобрести все извне, — подобно старцу, ищущему почерпнуть новых сил в молодости окружающих. Эта внутренняя бедность и приводит в конце концов к внешней.

Излишне разъяснять важность двух других категорий жизненных благ: ценность богатства ныне настолько общепризнанна, что не нуждается в комментариях. Третья категория — мнение других о нас, представляется по сравнению со второй — малоосозательной. Однако заботиться о чести, т. е. о добром имени, должен каждый, о чине — лишь тот, кто служит государству, и о славе — лишь немногие. В то же время честь считается неоценимым благом, а слава — самым ценным, что только может быть добыто человеком — золотым руном избранных, тогда как предпочитать чин богатству могут лишь дураки. В частности вторая и третья категории находятся в некотором взаимодействии, — здесь применимы слова Петрония: «habes — haheberis»,³ доброе мнение других, как бы оно ни выражалось — часто расчищает путь к богатству и наоборот.

Глава вторая О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК

В принципе мы согласились, что наше истинное «я» гораздо более обуславливает наше счастье, чем то, что мы имеем, или что мы собою представляем. Всегда самое важное, это то, что такое данный человек, — что он имеет в себе самом, ведь его индивидуальность сопутствует ему всюду и всегда, придавая ту или иную окраску всему переживаемому. В конце концов источником всех наших наслаждений являемся мы сами, это относится и к физическим, а тем паче и к духовным наслаждениям. Английское выражение — «to enjoy one's self» — очень метко, в этом смысле he enjoys himself in Paris не значит «он наслаждается Парижем», а «он наслаждается собою в Париже».

Если наша личность плоха, то испытываемые нами наслаждения уподобляются ценному вину, вкушаемому человеком, у которого во рту остался вкус желчи. Поэтому и в счастье, и в горе, исключая разве случаи тяжелых бед, то, что случается с человеком в жизни, менее важно, чем то, как он воспринимает эти события — т. е. каковы способы и степень его восприимчивости во всех отношениях. То, что мы имеем в себе — наша личность и подлинная ценность ее — является единственным непосредственным фактором нашего счастья и довольства, все остальные факторы — влияют лишь косвенно и действие их может быть парализовано, тогда как личность проявляет свое влияние всегда. Потому-то зависть к личным достоинствам — самая непримиримая и скрывается особенно тщательно. Лишь свойства сознания пребывают неизменными и непреложными, только индивидуальность действует постоянно, непрерывно, более или менее сильно в различные моменты, тогда как все остальное проявляет свое влияние временами, случайно, и к тому же само подвержено изменениям и гибели, Аристотель справедливо замечает: «вечна природа, но не вещи» (Eth. Eud. УП, 2). Вот почему мы переносим свалившееся на нас извне несчастье с большею покорностью, чем происшедшее по нашей вине: судьба может измениться, личные же наши свойства никогда.

Итак, субъективные блага, как-то благородный характер, большие способности, счастливый, веселый нрав и вполне здоровое тело, — словом, «mens sana in corpore sano» (Juvenal Sat. X, 356) — являются первым и важнейшим условием нашего счастья, сообразно с этим, мы должны гораздо больше заботиться об их развитии и сохранении, чем о приобретении внешних благ и почестей.

Из личных свойств непосредственное всего способствует нашему счастью веселый нрав, это прекрасное качество немедленно же находит награду в самом себе. Кто весел, — тот всегда имеет причину быть таковым, причина эта — его веселый нрав. Ничто не способно в такой мере заменить любое другое благо, как это свойство. Если человек молод, красив, богат и уважаем, то, чтобы судить о его счастье, надо еще знать, весел ли он, тогда как если он весел, то безразлично, стар он или молод, прям или горбат, богат или беден — он счастлив. В ранней юности попалась мне в старой книге следующая фраза: «кто много смеется — счастлив, кто много плачет — несчастлив» — крайне простодушный афоризм, который я, однако, не забыл именно из-за его примитивной правдивости, хотя по существу это — чистейший трюизм и ничего больше. Поэтому всякий раз, как в нас появляется веселость, мы должны всячески идти ей навстречу, она не может появиться не вовремя, между тем мы часто еще колеблемся, открыть ли ей путь, желаем предварительно выяснить, имеем ли мы достаточный повод быть довольными. Иногда это происходит из опасения, чтобы веселье не помешало нашим серьезным размышлениям и важным заботам, однако, что нам могут дать эти серьезные занятия — это еще большой вопрос, тогда как веселость приносит нам непосредственную, прямую выгоду. Только она является наличной монетой счастья, все другое — кредитные билеты. Непосредственно

³ Имеешь одно — будешь иметь и другое.

давая нам счастье в настоящем, она является высшим благом для существ, действительность коих осуществляется в неделимом настоящем между двумя бесконечностями времени. Потому первой нашей заботой должно быть приобретение и приумножение этого сокровища. Не подлежит сомнению, что ничто так не вредит веселости, как богатство, и ничто не способствует ей больше, чем здоровье: у низшего, трудящегося люда, особенно у землепашцев, обычно выражение лица веселое и довольное, тогда как на лицах богатых, «приличных» людей большею частью написана скука. Следовательно, прежде всего мы должны стараться сохранить хорошее здоровье, на почве которого только и может вырасти веселость. Средства к этому несложные: избегать всех эксцессов, излишеств, бурных и неприятных волнений, а также чересчур напряженного и продолжительного умственного труда, далее — усиленное движение на свежем воздухе в течение по крайней мере двух часов, частое купанье в холодной воде и тому подобные гигиенические меры. Без достаточного ежедневного движения нельзя сохранить здоровье, жизненные процессы могут совершаться правильно лишь при условии движения как тех органов, в которых они происходят, так и всего организма. Аристотель справедливо заметил: «жизнь заключается в движении». Движение сущность жизни. Во всех тайниках организма царит беспрестанное, быстрое движение: сердце с его сложной двойной функцией — расширения и сжатия — бьется неустанно, в 28 пульсаций оно заставляет всю кровь совершить большой и малый круг кровообращения, легкие, непрерывно, как машина, накачивают воздух, кишки постоянно производят перистальтические движения, железы безостановочно вырабатывают разные продукты, даже мозг получает двойное движение: от биения сердца и от вдыхания легких. Если же, как это бывает с огромным количеством людей, ведущих сидячую жизнь, внешнее движение совершенно отсутствует, то возникает резкое и пагубное несоответствие между внешним покоем и внутренним движением. Ввиду того, что постоянное внутреннее движение требует известной поддержки извне, несоответствие это будет в сущности аналогично тому, какое получается, когда мы, благодаря какому-либо аффекту, испытываем сильнейшее волнение, но не смеем его обнаружить. Даже деревьям, для правильного их роста, необходимо движение, доставляемое им ветром. Здесь применимо правило, которое можно формулировать так: «движение, чем оно быстрее, тем оно больше движение».

Насколько наше счастье зависит от веселости, а эта последняя от состояния здоровья, это станет ясным, если сравнить впечатление, производимое одними и теми же внешними обстоятельствами или событиями в те дни, когда мы здоровы и сильны с тем, какое получается, когда благодаря болезни мы настроены угрюмо и мнительно. Нас делает счастливым и несчастным не то, каковы предметы в действительности, а то, во что мы их путем восприятия превращаем. Это именно и говорит Эпиктет: «людей волнуют не сами вещи, а мнение о вещах».

Вообще 9/10 нашего счастья основано на здоровье. При нем все становится источником наслаждения, тогда как без него решительно никакое внешнее благо не может доставить удовольствия, даже субъективные блага: качества ума, души, темперамента при болезненном состоянии ослабевают и замирают. Отнюдь не лишено основания, что мы прежде всего спрашиваем друг друга о здоровье и желаем его друг другу: оно поистине главное условие человеческого счастья. Отсюда вывод тот, что величайшей глупостью было бы жертвовать своим здоровьем ради чего бы то ни было: ради богатства, карьеры, образования, славы, не говоря уже о чувственных и мимолетных наслаждениях, вернее, всем этим стоит пожертвовать ради здоровья.

Но как много ни способствует здоровье столь существенной для нашего счастья веселости, все же не только от него зависит эта последняя: с прекрасным здоровьем может уживаться меланхолический темперамент и преобладание грустного настроения. Основная их причина коренится без сомнения в прирожденных, а посему неизменных свойствах организма, в большинстве случаев в более или менее ненормальном соотношении между чувствительностью, раздражительностью и воспроизводительной способностью. Чрезмерный перевес чувствительности способствует резким переменам в настроении: краткие вспышки ненормальной веселости на основном фоне меланхолии. Правда, гений обуславливается именно избытком нервной энергии, т. е. чувствительности и Аристотель (Probl., 30, 1) справедливо подметил, что все знаменитые и выдающиеся люди были меланхоликами — мысль, на которую впоследствии ссылался Цицерон (Tusc. 1, 33). Чрезвычайно характерно это прирожденное различие основных черт темперамента описано Шекспиром в «Венецианском купце» (сц. I):

«Забавных чудаков
В свои часы природа сотворяет:
Один — глядя — все шуруется и все
Волынки звук: а у другого вид
Так уксусен, что уверяй сам Нестор,
Что вещь смешна — не обнаружит он
Своих зубов улыбкою веселой».

Платон это же различие определил словами: *eucholos* и *dyscholos* — человек легкого и человек тяжелого нрава. Противоположением этим выражается чрезвычайно разнообразная у различных людей восприимчивость к приятным и неприятным впечатлениям, сообразно с коей один смеется над тем, что другого способно привести в отчаяние, притом, обычно восприимчивость к приятным впечатлениям тем слабее, чем сильнее воспринимаются неприятные, и наоборот. При одинаковой вероятности счастливого или неудачного исхода какого-либо дела *dyscholos* будет сердиться и печалиться при неудаче, при счастливом же обороте дела — не будет радоваться, в то же время *eucholos* не будет ни досадовать, ни скорбеть о неудаче, счастливому же исходу — обрадуется. Если *dyscholos* будет иметь успех в 9 предприятиях из 10, то это ему не доставит радости, но он будет опечален единственным неудавшимся, тогда как *eucholos* сумеет даже при обратной пропорции найти утешение и радость в единственной удаче.

Впрочем, всякое зло имеет свою хорошую сторону, так и в данном случае. На долю людей, обладающих мрачным и мнительным характером, выпадает больше таких горестей и страданий, которые существуют лишь в их воображении, чем на долю *eucholos*, но зато реальные неудачи будут в их жизни реже, чем у последних: кто видит все в черном свете и готов к худшему, тот ошибается реже в своих расчетах, чем человек, смотрящий на жизнь сквозь розовые очки.

Если прирожденная «тяжеложелчность» сочетается с болезненной чуткостью нервной системы, или с расстройством органов пищеварения, то эта черта грозит развиться настолько, что постоянное недовольство жизнью может выродиться в пресыщение ею и создаст склонность к самоубийству. При таких условиях поводом к последнему могут послужить самые ничтожные неприятности, при особенно серьезном расстройстве даже и их не нужно: человек останавливается на самоубийстве под давлением одного лишь постоянного недовольства, и замысел этот выполняется с хладнокровной обдуманностью и с твердой решимостью. Больной, обычно попадающий под надзор, направляет всю свою энергию на то, чтобы, воспользовавшись малейшим ослаблением надзора, без колебаний, борьбы и боязни прибегнуть к естественному и желанному для него способу освобождения от страданий. Подробно это состояние описано в «Душевных болезнях» Эскироля. Правда, при известных условиях вполне здоровый, даже чрезвычайно веселый человек способен решиться на самоубийство, это случается, если тяжесть страданий или неизбежно приближающегося несчастья пересилит страх смерти. Вся разница — в размерах повода, достаточного для принятия такого решения. Размер этот находится в обратной зависимости с меланхолией. Чем она резче, тем ничтожнее может быть причина самоубийства, доходя в конце концов до нуля. Чем больше в человеке бодрости и поддерживающего ее здоровья, тем важнее должна быть причина. Бесконечным числом промежуточных ступеней отделены друг от друга два крайних вида самоубийства: вытекшего из болезненного роста врожденной меланхолии, и предпринятого здоровым, веселым человеком исключительно под давлением внешних причин.

В известной мере здоровью родственна красота. Хотя это субъективное благо и способствует нашему счастью не непосредственно, а лишь косвенно, путем влияния на других людей, все же оно значит очень много, даже для мужчины. Красота — это открытое рекомендательное письмо, заранее завоевывающее сердце. К ней применимы слова Гомера: «Не следует пренебрегать чудным даром бессмертных, который только они могут нам дать».

Даже при поверхностном наблюдении нельзя не заметить двух врагов человеческого счастья: горя и скуки. Надо прибавить, что поскольку нам удастся отдалиться от одного из них, постольку мы приближаемся к другому, и наоборот, так что вся наша жизнь протекает в более или менее частом колебании между этими двумя бедами. Это обуславливается тем, что оба зла состоят в двойном антагонизме друг с другом: во внешнем, объективном и во внутреннем, субъективном. С внешней стороны нужда и лишения порождают горе, а изобилие и обеспеченность — скуку. Сообразно с этим низшие классы находятся в постоянной борьбе с нуждой, т. е. с горем, а класс богатых, «приличных» людей — в непрерывной, часто поистине отчаянной борьбе со скукой. Внутренний, субъективный антагонизм этих зол основан на том, что в каждом человеке восприимчивость к чему-либо одному находится в обратной зависимости с восприимчивостью к другому, будучи определена наличными душевными силами. Тупость ума всегда сочетается с притупленностью впечатлительности и с недостатком чувствительности, а эти свойства делают человека менее восприимчивым к страданиям и печалям всякого рода и размера. Но с другой стороны эта тупость ума порождает ту, запечатленную на бесчисленных лицах и выдающую себя постоянным интересом ко всем, хотя бы ничтожнейшим внешним событиям, внутреннюю пустоту, которая является подлинным источником скуки, вечно толкая субъекта в погоню за внешними возбуждениями с целью хоть чем-нибудь расшевелить ум и душу. Такой человек неразборчив в выборе средств к этой цели, доказательство тому — низкопробное времяпрепровождение, к которому прибегают такие люди, характер их общества и бесед, а также огромное число светских бездельников. Преимущественно из этой внутренней пустоты и вытекают погоня за обществом, развлечениями, за разными удовольствиями, роскошью, толкающей многих к расточительности,

а затем — в нищету.

Ничто так не спасает от этих бед, как внутреннее богатство — богатство духа: чем выше, совершеннее дух, тем меньше места остается для скуки. Нескончаемый поток мыслей, их вечно новая игра по поводу разнообразных явлений внутреннего и внешнего мира, способность и стремление к все новым и новым комбинациям их — все это делает одаренного умом человека, если не считать моментов утомлений, неподдающимся скуке.

С другой стороны, высокая интеллигентность обуславливается повышенной чувствительностью и коренится в большей интенсивности воли, т. е. в страстности. Сочетание ее с этими свойствами дает в результате чрезвычайную бурность аффектов, повышенную чувствительность к душевным и даже к физическим страданиям и большую нетерпеливость при каких-либо препятствиях или неприятностях, все эти свойства еще усиливаются благодаря живости впечатлений, в том числе и неприятных, которая обусловлена пылким воображением. Сказанное относится в соответственной мере и к промежуточным ступеням, заполняющим огромное расстояние между тупым дураком и великим гением. Словом, каждый, как объективно, так и субъективно, будет тем ближе к одному источнику человеческих страданий, чем он дальше от другого. Сообразно со своими естественными склонностями он так или иначе сделает выбор между объективным и субъективным злом, т. е. постарается оградить себя от причины тех страданий, к которым он наиболее восприимчив. Человек умный будет прежде всего стремиться избежать всякого горя, добыть спокойствие и досуг, он будет искать тихой, скромной жизни, при которой бы его не трогали, а поэтому, при некотором знакомстве с так называемыми людьми, он остановит свой выбор на замкнутой жизни, а при большом уме — на полном одиночестве. Ведь, чем больше человек имеет в себе, тем меньше требуется ему извне, тем меньше могут дать ему другие люди. Вот почему интеллигентность приводит к необщительности. Если бы качество общества можно было заменить количеством, тогда стоило бы жить даже в «большом свете», но к несчастью сто дураков вместе взятых не составят и одного здравомыслящего.

Человек другой крайности, как только нужда даст ему перевести дух, станет любой ценою отыскивать развлечения и общества, легко удовлетворяясь и избегая пуще всего самого себя. В одиночестве, где каждый предоставлен самому себе, такой человек видит свое внутреннее содержание, глупца в роскошной мантии подавляет его жалкая пустота, тогда как высокий ум оживляет и населяет своими мыслями самую невзрачную обстановку. Сенека правильно заметил: «всякая глупость страдает от своей скуки» (Ер. 9), не менее прав Иисус, сын Сираха: «жизнь глупца хуже смерти». Можно сказать, что человек общителен в той мере, в какой он духовно несостоятелен и вообще пошл, ведь в мире только и можно выбирать между одиночеством и пошлостью. Негры — самый общительный, но также и самый отсталый в умственном отношении народ, по известиям французских газет из Северной Америки негры — свободные вперемежку с рабами — в огромном числе набиваются в теснейшие помещения, они — видите ли — не могут достаточно налюбоваться своими черными лицами с приплюснутыми носами.

Сообразно с тем, что мозг является паразитом, пенсионером всего организма, добытые человеком часы досуга, предоставляя ему возможность наслаждаться своим сознанием и индивидуальностью, является плодом, венцом его существования, которое в остальном заполнено заботами и трудом. Чем же заполняет большинство это свободное время? Скукой, очумелостью, если нет чувственных удовольствий, или какой-либо ерунды под руками. Способ использования досуга показывает, до какой степени досуг иной раз обесценивается, по словам Ариосто он часто является ничем иным, как «бездействием невежды». Средний человек озабочен тем, как бы ему убить время, человек же талантливый стремится его использовать.

Ограниченные люди потому так сильно подвержены скуке, что их разум является не более, как посредником в передаче мотивов воле. Если в данный момент нет под рукою внешних мотивов, то воля спокойна, и ум — в праздном состоянии: ведь как ум, так и воля не могут действовать по собственному импульсу. В результате — ужасающий застой всех сил человека, скука. С целью ее прогнать, воле подсовывают мелкие, случайно, наугад выхваченные мотивы, желая ими возбудить волю и тем привести в действие воспринимающий их разум. Такие мотивы относятся к реальным, естественным мотивам так же, как бумажные деньги к звонкой монете: ценность их произвольна, условна. Таким мотивом является игра, в частности — игра в карты, изобретенные именно с этой целью. Если нет игр, ограниченный человек берется за первую попавшуюся чепуху. Между прочим, сигара может послужить хорошим суррогатом мысли.

Вот почему во всем свете карточная игра сделалась главным занятием любого общества, она — мерило его ценности, явное обнаружение умственного банкротства. Не будучи в состоянии обмениваться мыслями, люди перебрасываются картами, стараясь отнять у партнера несколько золотых. Поистине жалкий род!

Чтобы не быть пристрастным, я не скрою того, что можно привести в извинение карточной игры: многие видят в ней подготовку к светской и деловой жизни, поскольку она учит разумно использовать созданные случаям неизменяемые обстоятельства (карты), с целью извлечь из них возможно больше. Имея в виду эту цель, человек развивает в себе «выдержку», учась при скверной игре сохранять веселый вид. Но с другой стороны именно этим карты оказывают развращающее влияние. Ведь суть игры в том, чтобы любым

способом, какими угодно хитростями заполучить то, что принадлежит другому. Привычка действовать таким образом в игре постепенно укореняется и переходит в жизнь, так что в конце концов человек проводит этот принцип и в вопросах собственности: он готов считать дозволенным всякое имеющееся в его руках средство, если только оно не запрещено законом. Примеры тому доставляет ежедневно обыденная жизнь.

Если, как сказано выше, досуг является, так сказать, венцом человеческого существования, так как только он делает его полным обладателем своего «я», то счастливы те, кто при этом находят в себе нечто ценное, в большинстве же в часы досуга обнаруживается ни на что неспособный субъект, отчаянно скучающий и тяготящийся самим собою. Посему — «возрадуемся, братья, что мы дети не рабыни, а свободной» (Посл. к Гал. IV, 31).

Как счастливейшая страна та, которая нуждается лишь в малом ввозе, или совсем в нем не нуждается, так и из людей счастлив будет тот, в ком много внутренних сокровищ, и кто для развлечения требует извне лишь немного или ничего. Подобный «импорт» обходится дорого, поработав нас, опасен, причиняет часто неприятности, и все же является лишь скверной заменой продуктов собственных недр. Ведь от других, вообще извне, нельзя ни в каком отношении ожидать многого. Границы того, что один может дать другому, очень тесны, в конце концов человек всегда останется один, и тут-то и важно, кто остался один. Здесь применимы слова Гете, которым он придавал общий смысл: «всякий в конце концов оказывается предоставленным самому себе» и Оливера Гольдсмита: «предоставленные самими себе, мы вынуждены сами ковать и искать свое счастье» (The Traveller V, 431 и сл.).

Самым ценным и существенным должна быть для каждого его личность. Чем полнее это достигнуто, а следовательно — чем больше источников наслаждения откроет в себе человек, тем счастливее будет он. Вполне прав был Аристотель, сказав: «счастье принадлежит тому, кто сам себя удовлетворяет» (Eth. Eud. VII, 2). Ведь все внешние источники счастья и наслаждений по своей природе крайне ненадежны, сомнительны, преходящи, подчинены случаю и могут поэтому иссякнуть даже при благоприятнейших условиях, даже более — это неизбежно, так как нельзя всегда иметь их под рукою. Во всяком случае почти все они иссякают к старости: нас покидают тогда любовь, шутливость, страсть к путешествиям, верховой езде и пригодность к обществу, наконец смерть лишает нас друзей и родных. В этом отношении, больше чем в каком либо ином, важно, что именно мы имеем в себе. Наши личные свойства сохраняются дольше всего. Впрочем, в любом возрасте они являются истинным, надежным источником счастья. В мире вообще немного можно раздобыть: он весь полон нуждою и горем, тех же, кто их избег, подкарауливает на каждом шагу скука. К тому же, по общему правилу власть принадлежит дурному началу, а решающее слово — глупости. Судьба жестока, а люди жалки. В устроенном таким образом мире тот, кто много имеет в себе, подобен светлой, веселой, теплой комнате, окруженный тьмою и снегом декабрьской ночи. Поэтому высокая, богатая индивидуальность, а в особенности широкий ум, — означают счастливейший удел на земле, как бы мало блеска в нем ни было. Поистине мудрым было изречение 19-летней королевы Шведской Христины о Декарте, известном ей по устным рассказам, да по одному из его произведений, и жившему уже 20 лет в полном уединении в Голландии: «Декарт — счастливейший из всех людей, и его жизнь кажется мне достойной зависти» (Vie de Desc. par Baillet, Liv. VII, ch. 10). Необходимо, однако, как это было у Декарта — чтобы внешние условия были достаточно благоприятны, дабы человек мог найти самого себя и свободно собою располагать. В Экклезиасте (VII, 12) сказано: «Мудрость хороша при наследстве и помогает радоваться солнцу».

Кому, по милости природы или судьбы, выпал такой удел, тот с трепетной заботливостью будет следить, чтобы внутренний родник счастья всегда был ему доступен, условием чего являются независимость и досуг. Их он охотно добудет умеренностью и бережливостью, это для него тем легче, что он не вынужден, подобно другим, искать наслаждений вовне. Поэтому перспектива чинов, денег, благожелательности и одобрения света не соблазнит его отказаться от самого себя, и опуститься до низменных стремлений и дурных вкусов людей. Если представится случай, то он поступит как Гораций в письме к Меценату (Lib. I, ep. 7).

Вообще крайне глупо лишаться чего-либо внутри себя с тем, чтобы выиграть вовне, т. е. жертвовать покоем, досугом и независимостью, — целиком или в большей части — ради блеска, чина, роскоши, почета или чести. Так, однако, поступал Гете, меня же мой гений решительно влек в другом направлении.

Приведенная здесь истина, гласящая, что источник счастья берет свое начало в самом человеке, находит подтверждение в верном замечании Аристотеля (наставление Никомаху 1,7 и VII, 13, 14), что всякое наслаждение предполагает некоторую деятельность, применение известной силы и немисливо без такового. Учение Аристотеля, утверждающее, что счастье человека заключается в свободном использовании преобладающих в нем способностей, воспроизводится Стобеусом в его исследовании о перипатетической этике (Eel. eth. II, cap. 7), счастье, говорит он, состоит в упражнении своих способностей работами, могущими дать известный результат.

Исконное назначение сил, коими природа наделила человека, заключается в борьбе с нуждою, теснящей

его со всех сторон. Раз эта борьба прерывается, неиспользованные силы становятся бременем, и человеку приходится играть ими, т. е. бесцельно тратить их, ибо иначе он подвергнет себя действию другого источника человеческого страдания — скуки. Она терзает прежде всего знатных и богатых людей, Лукреций дал превосходное описание их страданий,⁴ меткость которого мы в любое время можем проверить в каждом большом городе. У таких людей в юности большую роль играет физическая сила и производительная способность. Но позже остаются одни душевные силы, если их мало, если они плохо развиты или же нет данных к их деятельности, то получается серьезное бедствие. Так как воля есть единственная неиссякаемая сила, то стараются ее возбудить, разжигая в себе страсти, прибегая, напр., к крупной азартной игре — поистине унижительному пороку.

Вообще каждый праздный человек, сообразно с характером преобладающих в нем сил, выберет для их упражнения то или иное занятие — игру: кегли, шахматы, охоту, живопись, скачки, музыку, карты или поэзию, геральдику или философию и т. д.

Тему эту можно разработать методически, для этого надо обратиться к основе действия всех человеческих сил, т. е. к трем основным физиологическим силам. Рассматривая их бесцельную игру, мы видим, что они являются источниками трех групп наслаждения, из коих человек, в зависимости от того, какая сила в нем преобладает — выбирает более для себя подходящие. Наслаждения доставляются: во-первых — воспроизводительной силой (*Reproduktionskraft*), таковы еда, питье, пищеварение, покой и сон. Про некоторые нации сложилась молва, будто они возводят эти наслаждения на степень народных торжеств. Во-вторых, раздражаемостью (*Irritabilitat*), таковы путешествия, борьба, танцы, фехтование, верховая езда, разные атлетические игры, охота, и даже битвы и война. В-третьих — чувствительностью (*Sensibilitat*), таковы созерцание, мышление, ощущение, поэзия, музыка, учение, чтение, изобретение, философия и т. п. Относительно ценности, степени и продолжительности каждой такой группы наслаждений можно сказать много, но я это предоставляю читателю.

Вероятно, всякий подметил, что наслаждение, обуславливающееся тратой наших сил, а с ними и наше счастье, заключающееся в частом повторении наслаждений, будет тем полнее, чем благороднее обуславливающая их сила. Никто не станет отрицать преимущества, принадлежащего в этом отношении чувствительности — решительным преобладанием коей человек отличается от других животных, над двумя другими физиологическими силами, присущими в равной или даже большей степени животным. К чувствительности относятся и наши познавательные силы: поэтому ее преобладание делает нас способными к наслаждениям духовным — т. е. состоящим в познании, наслаждения эти тем выше, чем больше перевес чувствительности.⁵

Нормальный, средний человек живо заинтересуется каким-либо предметом лишь при условии, если последний возбуждает его волю, только этим предмет приобретает в его глазах личный интерес. Но всякое длительное возбуждение воли является процессом сложным, в известной доле в него входит и страдание. Средством умышленного возбуждения ее при посредстве мелких интересов, могущих причинить не длительную и серьезную боль, а лишь минутную, легкую, которую правильнее бы назвать «щекотанием воли» — является карточная игра, обычное занятие «порядочного общества» во всех странах.⁶

⁴ «Один покидает свой роскошный дворец, чтобы прогнать скуку, но тотчас возвращается назад, не чувствуя себя счастливее в другом месте. Другой спешно бежит в свое имение, словно там надо тушить пожар, но едва достигнув границ имения, он начинает скучать и или предается сонливости и старается забыться, или же спешно возвращается в город» (III, 1073).

⁵ Природа постоянно совершенствуется, переходя от механико-химического процесса в неорганическом мире к растительности с ее глухим самоощущением и далее к животному царству, где уже заметны разум и сознание, эти слабые ростки развиваются постепенно дальше, и последним, величайшим усилием достигается человек, его интеллект — апогей и цель творений природы, самое совершенное и трудное, что она смогла произвести. Однако и в пределах человеческого рода разум представляет многочисленные и заметные градации и крайне редко достигает высшего развития — действительно высокой интеллигентности. Понимаемая в узком, строгом смысле, она является труднейшим и высшим творением природы и вместе с тем самым редким и ценным, что есть на свете.

При такой интеллигентности появляется вполне ясное сознание, а следовательно — отчетливое и полное представление о мире. Одаренный ею человек обладает величайшим земным сокровищем — тем источником наслаждений, по сравнению с которым все другие — ничтожны. Извне ему не требуется ничего, кроме возможности без помех наслаждаться этим даром, хранить этот алмаз. Ведь все другие — не духовные — наслаждения суть низшего рода, все они сводятся к движениям воли, т. е. к желаниям, надеждам, опасениям, усилиям, направленным на первый попавшийся объект. Без страданий при этом не обойтись, в частности, достижение цели обычно вызывает в нас разочарование. Наслаждения духовные приводят лишь к уяснению истины. В царстве разума нет страданий, есть лишь познание. Духовные наслаждения доступны, однако, человеку лишь чрез посредство, а следовательно, и в границах его собственного разума: «весь имеющийся в мире разум бесполезен для того, у кого его нет». Единственная невыгода, связанная с этим преимуществом, это та, что во всей природе восприимчивость к боли повышается параллельно с разумом, а следовательно, здесь достигает высшего предела.

⁶ В сущности вульгарность состоит в том, что желания преобладают в сознании человека над познавательной способностью, и

Человек с избытком духовных сил способен живо заинтересоваться чем-либо через посредство хотя бы одного разума, без всякого вмешательства воли, ему это даже необходимо. Такой интерес переносит его в область, совершенно чуждую страданий, в атмосферу «веселой, легкой жизни богов». Жизнь остальных протекает в отупении, их мечты и стремления всецело направлены на пошлый интерес личного благосостояния — т. е. на борьбу с разными невзгодами, поэтому их одолевает невыносимая скука, как только эта цель отпадает и они оказываются предоставленными самим себе, лишь бешеное пламя страсти способно внести известное движение в эту застывающую массу.

Наоборот, человек с избытком духовных сил живет богатой мыслями жизнью, сплошь оживленной и полной значения. Достойные внимания явления интересуют его, если он имеет время им отдаться, в себе же самом он имеет источник высших наслаждений. Импульс извне дают ему явления природы и зрелище человеческой жизни, а также разнообразнейшие творения выдающихся людей всех эпох и стран. Собственно, только он и может наслаждаться ими, так как лишь для него понятны эти творения и их ценность. Именно для него живут великие люди, к нему лишь они обращаются, тогда как остальные, в качестве случайных слушателей способны усвоить разве какие-нибудь клочки их мыслей. Правда, этим у интеллигентного человека создается лишняя потребность, потребность учиться, видеть, образовываться, размышлять, а с тем вместе и потребность в досуге. Но, как правильно сказал Вольтер, «нет истинных удовольствий без истинных потребностей, а потому, благодаря им, интеллигентному человеку доступны такие наслаждения, которых не существует для других. Для большинства красота в природе и в искусстве, как бы оно ни окружало себя ею, являются тем же, чем гетера — для старика. Богато одаренный человек живет поэтому, наряду со своей личной жизнью, еще второю, а именно духовною, постепенно превращающуюся в настоящую его цель, причем личная жизнь становится средством к этой цели тогда как остальные люди именно это пошлое, пустое, скучное существование считают целью. Он преимущественно будет заботиться о чисто духовной жизни, которая, благодаря постоянному развитию мышления и познания, получит связность и все резче обрисовывающуюся целостность и законченность завершающегося произведения искусства. От нее печально отличается жизнь чисто практическая, направленная лишь на личное благосостояние, способная развиваться лишь вширь, но не вглубь, и служащая целью, тогда как должна бы быть лишь средством.

Наша практическая, реальная жизнь раз ее не волнуют страсти, скучна и плоска, в противном же случае она становится горестной, поэтому счастливы только те, кто наделен некоторым излишком ума сверх той меры, какая необходима для служения своей воле. Такие люди рядом с действительной жизнью живут еще и духовной, постоянно их интересующей и занимающей, и притом чуждой страдания. Простого безделья, т. е. ума, незанятого служением воле, для этого мало, требуется положительный избыток сил, который только и способен толкнуть нас на чисто умственную работу, вне служения воле: «отдых без занятий — это смерть, погребение живого человека» (Seneca, ep. 82). Сообразно с тем, велик или мал этот избыток ума, существуют бесчисленные градации духовной жизни, начиная с собирания и описания насекомых, птиц, минералов, монет и вплоть до создания высших произведений поэзии и философии.

Такая духовная жизнь ограждает нас не только от скуки, но и от ее пагубных последствий. Она спасает от дурного общества и от тех многих опасностей, несчастий, потерь, растрат, какие постигают всякого, ищущего свое счастье во внешнем мире. Правда, мне моя философия ничего не дала, зато многое сохранила.

«Нормальный», средний человек вынужден искать жизненных наслаждений вне себя: — в имуществе, чине, жене и детях, друзьях, в обществе и т. п., и на них воздвигать свое счастье, поэтому счастье рушится, если он их теряет или в них обманывается. Его положение можно выразить формулой: центр его тяжести — вне его. Поэтому его желания и капризы постоянно меняются, если позволяют средства — он то покупает дачу, лошадей, то устраивает празднества и поездки, вообще ведет широкую жизнь. Удовольствия он ищет во всем окружающем, вовне, подобно больному, надеющемуся в бульоне и лекарствах найти здоровье, истинный источник которого — его жизненная сила.

Чтобы не перейти сразу к другой крайности, возьмем человека, если и не с выдающимися, то все же с превышающими обычную скудную дозу духовными силами. Если внешние источники радости иссякнут или перестанут его удовлетворять, он начнет по-дилетантски заниматься искусством, или же реальными науками: ботаникой, минералогией, физикой, астрономией и т. п., найдет в этих занятиях немало наслаждения, и отдохнет за ними, мы можем сказать, что центр тяжести лежит отчасти уже в нем самом. Но так как

эта последняя становится в служебное отношение к воле, следовательно, раз воля не нуждается в услугах познания, раз нет ни крупных, ни мелких мотивов, сознание дремлет и наступает полное отсутствие мыслей. Желание без сознания самое низменное, что только возможно: оно присуще всякому полону, в котором и обнаруживается в момент его падения. Состояние это и есть вульгарность. Здесь действуют лишь органы чувств, да та ничтожная доза разума, которая необходима для восприятия ощущений. Посему вульгарный человек доступен всем впечатлениям, тотчас воспринимает все, что говорится вокруг, каждый слабый звук, мельчайшее обстоятельство немедленно возбуждают, как и у зверей, его внимание. Такое состояние отражается на его лице и на всей наружности, получается вульгарный вид, особенно отталкивающий и, если — как это обычно бывает, воля, заполняющая собою все сознание, низменна, эгоистична и зла.

дилетантизм в искусстве еще далек от истинного таланта, а реальные науки не идут далее взаимоотношения явлений, то ни то, ни другое не в силах поглотить человека всецело, наполнить все его существо и так сплести с собою его жизнь, чтобы ко всему остальному он потерял интерес. Это составляет удел высшего духа, который обычно именуют гением. Только гений избирает абсолютной темой своего бытия жизнь и сущность предметов, и глубокое их понимание стремится выразить, в зависимости от индивидуальных свойств, в искусстве, поэзии или философии.

Только для такого человека занятие собою, своими мыслями и творениями насущно необходимо, одиночество — приятно, досуг — является высшим благом, все же остальное — не нужно, а если оно есть, то нередко становится в тягость. Лишь про такого человека можно сказать, что центр его тяжести — всецело в нем самом.

Отсюда станет ясно, почему такие, крайне редкие люди даже при отличном характере, не принимают того теплого, безграничного участия в друзьях, семье и обществе, на которое способны многие другие. Они готовы примириться с чем угодно, раз только они имеют себя. В них заложен один лишний изолирующий элемент, тем более действительный, что другие люди никогда не могут их удовлетворить, и этих других они не считают равными себе, так как эта отдаленность сказывается всегда и во всем, то постепенно они начинают считать себя отличными от людей существами и говорить о людях в третьем, а не в первом лице множественного числа.

С этой точки зрения тот, кого природа щедро наделила в умственном отношении, является счастливее всех, ибо очевидно, что субъективные данные важнее, чем объективные, действие коих, каково бы оно ни было, всегда совершается через посредство первых. Это и выражают стихи Люциана (Anthol. 1,67): «Богатство духа — единственно истинное богатство, ибо имущественный достаток влечет за собою несчастье». Обладателю внутреннего богатства не надо извне ничего, кроме одного отрицательного условия — досуга, чтобы быть в состоянии развивать свои умственные силы и наслаждаться внутренним сокровищем, другими словами — ничего, кроме возможности всю жизнь, каждый день и час, быть самим собою. Кому предназначено наложить отпечаток своего ума на все человечество, для того существует лишь одно счастье: иметь возможность развить свои способности и закончить свои труды, и одно несчастье: не иметь этой возможности. Все остальное мало его касается. Поэтому великие умы всех времен придавали огромную ценность досугу. Что стоит человек, то стоит для него его досуг. «Счастье, по-видимому, заключается в досуге», сказал Аристотель (Eth. Nie. X, 7), а Диоген Лаэртий свидетельствует, что «Сократ восхвалял досуг превыше обладания девушкою». Тот же смысл имеют слова Аристотеля (Eth. Nie. X, 7–9): «жизнь философа — самая счастливая» и его изречение (Политика IV, II): «счастье в том, чтобы без помех упражнять свои способности, каковы бы они ни были». Это совпадает со словами Гете в «Вильгельме Мейстере»: кто рожден с талантом и ради этого таланта, найдет в нем свое счастье».

Но ни обычный удел человека, ни его природа не дают ему досуга. Естественное назначение человека состоит в том, чтобы проводить всю жизнь в приобретении всего необходимого для существования своего и семьи. Человек — сын нужды, а не «свободный ум». Поэтому для среднего человека досуг скоро становится бременем, даже пыткой, если не удастся заполнить его разными искусственными, фиктивными целями — игрой, развлечениями или какой угодно чепухой, для него досуг опасен: правильно замечено, что «трудно обрести покой в праздности».

С другой стороны ум, далеко превышающий среднюю норму, есть явление ненормальное, неестественное. Но раз оно налицо, то для счастья его обладателя необходим еще досуг, столь ненужный одним и столь пагубный для других, без досуга он будет Пегасом в ярме — т. е. несчастлив. Если же сочетаются обе ненормальности — внешняя и внутренняя, т. е. материальный достаток и великий ум, то в этом случае счастье обеспечено, такой человек будет жить особою, высшею жизнью: он застрахован от обоих противоположных источников страданий — нужды и скуки, т. е. как от забот о пропитании, так и от неспособности переносить досуг (т. е. свободное время) — два зла, которые вообще щадят человека лишь тогда, когда они, нейтрализуясь, поочередно уничтожают друг друга.

Однако, с другой стороны надо учесть, что большой ум, вследствие преобладания нервной деятельности, образует повышенную восприимчивость к боли в любом ее виде, кроме того, обуславливающий его страстный темперамент и неразрывно с ним связанные живость и цельность всех представлений придают чрезвычайную бурность вызванным ими аффектам, из которых мучительных в жизни больше, чем приятных. Наконец, выдающийся ум отдаляет его обладателя от остальных людей, их жизни и интересов, так как чем больше человек имеет в себе, тем меньше могут дать ему другие. Сотни предметов, доставляющих людям удовольствие, для него скучны и ненужны, в чем, пожалуй, и сказывается повсюду царящий закон возмездия. Очень часто и, по-видимому, справедливо утверждают, что весьма ограниченный в умственном отношении человек, в сущности — самый счастливый, хотя никто и не позавидует такому счастью. Впрочем, я не желаю навязывать читателю окончательного решения этого вопроса, тем более, что сам Софокл высказал по нему два диаметрально противоположных суждения:

«глубокое знание есть первое условие счастья» (Antiq. 1328) и «не думать ни о чем — значит жить счастливо» (Аях. 550). Также разноречивы философы Ветхого Завета: «жизнь глупца — хуже смерти» (Иис. Сир. 22, 12) и «где много мудрости — там много горя» (Экл. 1, 18).

Кстати упомяну здесь, что человек, не имеющий вследствие нормальной, впрочем — ограниченности, умственных сил, никаких духовных потребностей, называется филистером — слово, присущее лишь немецкому языку, возникнув в студенческой жизни, термин этот получил позже более широкий смысл, сохранив, однако, прежнее основное значение — противоположности «сыну муз». С высшей точки зрения я дал бы понятию филистера такое определение: это — человек, постоянно и с большою серьезностью занятый реальностью, которая на самом деле не реальна. Но подобное, уже трансцендентное определение не подходило бы к той популярной точке зрения, на которую я стал, принявшись за настоящий труд, а потому, быть может, было бы понятно не всем читателям. Первое же определение легче допускает специальные разъяснения и достаточно ясно указывает на сущность типа и на корень свойств, характеризующих филистера. Это — человек без духовных потребностей. Отсюда следует многое. Во-первых, в отношении себя самого филистер лишен духовных наслаждений, ибо, как приведено выше: «нет истинных удовольствий без истинных потребностей». Никакое стремление, ни к познанию и пониманию, ради них самих, ни к собственно эстетическим наслаждениям, родственное с первым, не оживляют его существования. Те из подобных наслаждений, которые ему навязаны модой или долгом, он будет стараться «отбить» как можно скорее, словно каторгу. Действительными наслаждениями являются для него лишь чувственные. Устрицы и шампанское — вот апофеоз его бытия, цель его жизни, добыть все, способствующее телесному благоденствию. Он счастлив, если эта цель доставляет много хлопот. Ибо если эти блага заранее ему подарены, то он неизбежно становится жертвой скуки, с которой начинает бороться чем попало: балами, театрами, обществом, картами, азартными играми, лошадьми, женщинами, вином и т. д. Но и всего этого недостаточно, чтобы справиться со скукой, раз отсутствие духовных потребностей делает для него недоступными духовные наслаждения. Поэтому тупая, сухая серьезность, приближающаяся к серьезности животных, свойственная филистеру и характеризует его. Ничто не радует, не оживляет его, не возбуждает его участия. Чувственные наслаждения скоро иссякают, общество, состоящее сплошь из таких же филистеров — делается скоро скучным, а игра в карты начинает утомлять. Правда, остаются еще радости своего рода тщеславия, состоящего в том, что он старается богатством, чином, влиянием или властью превзойти других, которые за это будут его уважать, или же хотя бы только в том, чтобы вращаться в среде тех, кто добился всего этого и таким образом греется в отраженных от них лучах (a snob).

Из этой основной черты филистера вытекает, во-вторых, в отношении других людей, что не имея духовных, а имея лишь физические потребности, он станет искать того, кто может удовлетворить эти последние. В требованиях, предъявляемых им к людям, он меньше всего будет заботиться о преобладании духовных способностей, скорее они возбудят в нем антипатию, пожалуй, даже ненависть: они вызовут в нем тяжелое чувство своей ничтожности и глухую, тайную зависть, он тщательно станет скрывать ее, даже от самого себя, благодаря чему, однако, она может разрастись в глухую злобу. Он и не подумает соразмерять свое уважение или почтение с духовными качествами человека, эти чувства он будет питать лишь к чину, богатству, власти и влиятельности, являющимися в его глазах единственными истинными отличиями, которыми он желал бы блистать сам.

Все это вытекает из того, что он не имеет духовных потребностей. Беда всех филистеров в том, что ничто идеальное не может развлечь их, и для того, чтобы избежать скуки, они нуждаются в реальном. Но все реальное отчасти скоро иссякает — утомляет, вместо того, чтобы развлекать — отчасти ведет к разным невзгодам, тогда как мир идеального неистощим и безгрешен.

Во всем этом очерке о личных свойствах, способствующих нашему счастью, я исследовал кроме физических, главным образом, умственные свойства. В какой мере могут непосредственно осчастливить нас нравственные достоинства — это изложено мною раньше в очерке «Основы морали» (§ 22), к которому я и отсылаю читателя.

Глава третья **О ТОМ, ЧТО ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ**

Великий учитель счастья, Эпикур, вполне правильно разделил человеческие потребности на три класса. Во-первых, потребности естественные и необходимые, это те, которые причиняют страдания, если их не удовлетворить. Сюда относятся лишь одежда и пища. Удовлетворить их — не трудно. Во-вторых, потребности естественные, но не необходимые, такова потребность в половом общении (правда, Эпикур об этом не говорит, но вообще я передаю здесь его учение в несколько исправленном, подчищенном виде). Удовлетворить ее уже труднее. В-третьих, потребности не естественные и не необходимые, таковы роскошь, богатство, блеск, число их бесконечно и удовлетворить их крайне трудно (См. Diog. Laert. X, с. 28, §§ 149 и

Определить границу разумности наших желаний в отношении к собственности — трудно, если не невозможно. Удовлетворенность человека в этом направлении обуславливается не абсолютной, а относительной величиной, а именно отношением между его запросами и его состоянием. Поэтому, это последнее, рассматриваемое отдельно, говорит так же мало, как числитель дроби без знаменателя. Отсутствие благ, о которых человек и не помышлял — не составит для него лишения: он и без них может быть вполне довольным, тогда как другой, имеющий в сто раз больше, чувствует себя несчастным из-за того, что у него нет чего-либо, в чем он имеет потребность. У каждого в этом отношении есть свой особый горизонт благ, которых он мог бы достичь, и потребности его не выходят за пределы этого круга. Если какой-либо из находящихся в нем объектов примет положение, вызывающее уверенность в его достижении — человек счастлив, он несчастлив, если какие-либо препятствия лишат его этой уверенности. Все, расположенное вне этого горизонта — для человека безразлично. Поэтому бедняка не смущают огромные состояния богачей, а с другой стороны, богачу не доставит утешения, при какой-либо неудаче, даже то многое, что у него есть. Богатство подобно соленой воде: чем больше ее пьешь, тем сильнее жажда. Это относится и к славе.

Если, лишь только минует первая боль после потери богатства и вообще состояния, наше настроение делается приблизительно таким же, каким было раньше, то это оттого, что как только судьба уменьшила один фактор — состояние, мы сами тотчас же сокращаем другой — наши потребности. При постигшем несчастье эта операция чрезвычайно болезненна, зато, как только она совершена, боль начинает стихать и в конце концов пропадает — рана зарубцовывается. Наоборот, при счастливом событии, пресс, сокращающий наши потребности, приподнимается и они начинают расти, в этом заключается радость. Но длится она лишь до тех пор, пока не закончится этот процесс, мы привыкаем к увеличенному масштабу наших потребностей и становимся равнодушными к соответствующему ему состоянию. Мысль эту можно найти и в Одиссее Гомера (XVIII, 130 1377).

Источник нашей неудовлетворенности заключается в наших постоянных попытках увеличить один фактор — потребности оставляя другой фактор без изменений.

Неудивительно, что в таком нуждающемся, как бы сотканном из потребностей роде, каков род человеческий, богатство ценится, даже уважается больше и откровеннее, чем все другое, даже власть служит лишь средством к этой цели, неудивительно, далее, что имея в виду обогащение, люди все остальное презирают и отбрасывают в сторону, такова, в частности, участь философии в руках ее профессоров.

Часто упрекают людей за то, что их желания направлены главным образом на деньги, которые им милее всего. Но ведь вполне естественно, даже неизбежно любить то, что, подобно неутомимому Протею, способно в каждый момент превратиться в любой объект наших столь капризных желаний и разных потребностей. Всякое другое благо может удовлетворить лишь одну потребность, одно желание: еда важна лишь для голодного, лекарства — для больного, вино — для здорового, шуба — для зимы, женщины — для молодежи и т. д. Все эти блага относительны, лишь деньги — абсолютное благо, так как они удовлетворяют не одну какую-либо потребность *in concreto*, а всякую потребность — *in abstracto*.

На имеющееся у нас состояние следует смотреть, как на ограду от всевозможных бед и напастей, а не как на разрешение или даже обязательство купаться в удовольствиях. Люди, не получившие наследства, и достигшие благодаря тем или иным талантам, возможности много зарабатывать, почти всегда начинают ошибочно считать свой талант — основным капиталом, а приобретаемые через его посредство деньги — прибылью. Поэтому они из заработка не откладывают ничего с целью составить неприкосновенный фонд, а тратят все, что удастся добыть. Обычный результат этого — нищета, их заработок прекращается или после того, как исчерпан их талант, если это талант временный (как, напр., в искусствах), или же потому, что исчезли особые условия, делавшие данный талант прибыльным. В весьма благоприятных условиях находятся ремесленники: способность к ремеслу теряется не легко, или же может быть заменена работою помощников, а к тому же их изделия суть предметы необходимости, и следовательно, всегда найдут сбыт, вполне справедлива поговорка — «ремесло — это мешок с золотом». Не так обстоит дело с художниками и разными артистами, именно поэтому им и платят так дорого. Но поэтому же зарабатываемые ими средства должны считаться капиталом, они же, к сожалению, видят в них прибыль и таким образом сами идут к нищете.

Напротив, люди, получившие наследство, отлично знают, по крайней мере в начале, что составляет капитал, и что — прибыль. Большинство постарается надежно поместить капитал, не будет его трогать, а даже, при возможности, станет откладывать хотя 1/8 дохода, чтобы обеспечить себя на черный день. Поэтому обычно такие люди остаются состоятельными.

Сказанного нельзя применять к купцам: для них сами деньги служат, подобно рабочим инструментам, средством дальнейшего обогащения, поэтому они, даже если деньги добыты ими самими, желая сохранить и приумножить их, будут пускать их в оборот. Ни в какой среде богатство не встречается столь часто, как в этой.

Можно сказать, что по общему правилу люди, испытавшие истинную нужду, боятся ее несравненно меньше и поэтому более склонны к расточительности, чем те, кто знаком с нуждой лишь понаслышке. К первой категории принадлежат люди, благодаря какой-либо удаче или особым талантам быстро перешедшие из бедности к богатству, ко второй — те, кто родился состоятельным и остался таким. Обычно эти последние больше заботятся о своем будущем и потому экономнее первых. Это наводит на мысль, что нужда не так уж тяжела, как она издали кажется. Однако, вероятнее, что истинная причина здесь другая: тому, кто вырос в богатстве, оно представляется чем-то необходимым, предпосылкой единственно возможной жизни — так же, как воздух, поэтому он заботится о богатстве не меньше, чем о своей жизни, а следовательно, окажется, вероятно, аккуратным, осторожным и бережливым.

Напротив, для человека, выросшего в бедности, она кажется естественным состоянием, а свалившееся ему каким-либо путем богатство — излишком, годным лишь для наслаждений и мотовства, исчезло оно — человек обойдется и без него, как обходился раньше, да к тому же спадет с плеч лишняя забота. Здесь уместно вспомнить слова Шекспира: «Должна оправдываться поговорка, что сев верхом, коня загонит нищий» (Henry VI, P. 3. A.I).

К этому надо прибавить, что долго жившие в нужде люди питают чрезмерное доверие отчасти к судьбе, отчасти к собственным силам, помогшим им уже раз выбраться из бедности, они верят в это не столько разумом, сколько душою, и поэтому не считают, подобно родившимся в богатстве, нужду какою-то бездонною пропастью, а полагают, что стоит лишь толкнуться о дно, чтобы снова выбраться наверх. Этой оригинальной чертой объясняется, почему женщины, выросшие в бедности, становятся, после замужества, часто расточительнее, чем те, которые принесли богатое приданое: обычно богатые девушки бывают снабжены не только деньгами, но и унаследованною склонностью к сохранению богатства. Кто полагает противное, найдет себе поддержку у Ариосто, в 1-й сатире, д-р Джонсон склоняется к моему мнению: «Богатая женщина, привыкшая распоряжаться деньгами, тратит их разумно, той же, которая впервые получает в руки деньги лишь после замужества, так нравится тратить их, что она способна промотать все» (S. Boswell, Life of Johnson). Во всяком случае я советую тому, кто женится на бесприданнице, завещать в ее распоряжение не капитал, а лишь доходы с него, а в особенности следить, чтобы состояние детей не попало в ее руки.

Не думаю, что опозорю мое перо, если посоветую заботиться о сохранении заработанного и унаследованного состояния... Обладать со дня рождения состоянием, дающим возможность жить, хотя бы без семьи, только для самого себя, в полной независимости, т. е. без обязательного труда — это неоценимое преимущество. Состояние — это иммунитет, гарантия против присущих человеческой жизни нужды и горестей, избавление от кабалы, составляющей удел всех сынов земли. Лишь с этим даром судьбы можно родиться действительно свободным, лишь в этом случае человек полноправен, хозяин своего времени и вправе каждое утро говорить: «этот день — мой». Вот почему разница между получающим тысячу и сто тысяч рублей дохода несравненно меньше, чем между первым и тем, кто не имеет ничего. Высшую ценность наследственное состояние приобретает тогда, если оно достается человеку, одаренному духовными силами высшего порядка и преследующему цели, не имеющие ничего общего с обогащением. Свой долг людям один оплатит сторицею, создавая то, на что никто кроме него не способен, и что послужит к благу и чести всего человечества. Другой, при этих благоприятных условиях, окажет людям услуги на почве филантропической деятельности. Тот же, кто при унаследованном богатстве не окажет, не попытается оказать ни одной из этих услуг, и даже не постарается серьезным изучением какой-либо науки найти способ подвинуть ее вперед, тот ничто иное, как достойный презрения тунеядец. Счастлив он не будет: избавившись от нужды, он попадает на другой полюс человеческого горя — во власть скуки, настолько тяжелой, что он был бы рад, если бы нужда вынудила его заняться чем-либо. Скука эта легко может склонить его к излишества, которые уничтожат в конце концов то преимущество, коего он оказался недостойным — богатство. Множество людей бедны лишь потому, что, имея деньги, они тратили их без остатка, чтобы хоть на миг заглушить давящую их скуку.

Иначе обстоит дело, если целью становится преуспевание в государственной службе, для чего надо иметь доброе имя, друзей и связи, через посредство коих можно постепенно добиться повышения вплоть до высших должностей, для этого, пожалуй, в сущности выгоднее начать жизнь без всякого состояния. Бедность послужит особенным преимуществом, как бы рекомендацией для того, кто, не будучи дворянином, наделен порядочными способностями. Ибо то, что любит, к чему стремится каждый, даже в беседе, а тем паче на службе, это свое превосходство над другими. Бедняк же убежден, проникнут сознанием своего полного, глубокого, всестороннего ничтожества, своей совершенной незначительности и малоценности в той именно мере, в какой это требуется для службы. Лишь он будет достаточно часто и низко кланяться, и сгибать свою спину до полных 90 градусов, только он позволит делать с собою что угодно, и улыбаться при этом, он один будет открыто и громко, хотя бы печатно возводить в шедевры литературские мысли, выписываемые его начальниками и вообще влиятельными людьми, он один умеет выпрашивать, следовательно, только он

усвоит вовремя, т. е. в юности, ту сокровенную истину, которую Гете выразил в стихах:

Ubers Niedertrachtige
Niemand sich beklage
Denn es ist das Machtige
Was man dir auch sage.⁷

Наоборот, человек, имеющий достаток из дому, будет вести себя крайне упрямо: он привык ходить *tete Levee*, не умеет низкопоклонничать, и к тому, быть может, притязает на талант, не понимая, как он ничтожен в глазах царящей посредственности и приниженности, он способен, пожалуй, возмыслить, что поставленные над ним власти в сущности ниже его, когда же дело касается какой-либо низости — он становится мнительным и строптивым. На этом в жизни далеко не уедешь, и надо думать, что он придет в конце концов к выводу дерзкого Вольтера: «мы живем всего несколько дней, и не стоит проводить их пресмыкаясь пред «*coquins meprisables*», к сожалению, к сказуемому «*coquins meprisables*» на свете имеется дьявольски много подлежащих. Поэтому слова Ювенала: «Трудно выказать свои добродетели для тех, кто стеснен домашними обстоятельствами» — применимы более к судьбе выдающихся людей, чем к уделу заурядных смертных.

Говоря о том, что имеет человек, я не считал его жены и детей, так как скорее он сам находится в их руках. С большим основанием можно упомянуть о друзьях, однако и здесь субъект является в равной мере и объектом обладания.

Глава четвертая О ТОМ, ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЮ ЧЕЛОВЕК

То, что мы собой представляем, т. е. мнение других о нашей жизни, ценится обычно, по слабости человеческой природы, непомерно высоко, хотя малейшее размышление показывает, что это мнение само по себе несущественно для нашего счастья. Мудрено постичь, почему человек испытывает такую сильную радость, когда он замечает благосклонность других или когда как-нибудь польстят его тщеславию. Как кошка мурлычет, когда ее гладят, так же стоит похвалить человека, чтобы его лицо непременно засияло истинным блаженством, похвала может быть заведомо ложной, надо лишь, чтобы она отвечала его претензиям. Знаки чужого одобрения нередко утешают его в реальной беде и в той скупости, какую проявляют для него два рассмотренных выше источника счастья. С другой стороны, достойно изумления, какую обиду, какую серьезную боль причиняет ему всякое оскорбление его честолюбия, в каком угодно смысле, степени, направлении, всякое неуважение, «осаживание» или высокомерное обращение.

Поскольку на этих свойствах основано чувство чести, они оказывают, в качестве суррогата нравственности, благотворное влияние на порядок человеческого общения, но свойства эти неблагоприятны, служат препятствием собственно для счастья людей, и прежде всего для столь существенных для него спокойствия духа и независимости. Поэтому с нашей точки зрения представляется необходимым поставить этим свойствам известные границы и, путем размышления и правильной оценки различных благ, по возможности умерить чрезмерную чувствительность к чужому мнению, как в том случае, если нам льстят, так и тогда, когда нас порицают, ведь и то и другое имеет один и тот же источник. Иначе мы станем рабами чужих мнений и настроений: «так пусто и мелко то, что угнетает или радует душу, жаждущую похвал».

Верная сравнительная оценка того, что такое человек сам по себе и того, чем он является в глазах других — будет много способствовать нашему счастью. К первому относится все, что заполняет нашу личную жизнь, ее внутреннее содержание, а следовательно, все блага, рассмотренные нами под рубриками: «что такое человек» и «что человек имеет». Местом, служащим сферой действия этих моментов, является собственное сознание. Напротив, то, чем мы являемся для других — проявляется в чужом сознании, это наш образ, создавшийся в нем, наряду с представлениями, к нему применяемыми.⁸ Чужое же сознание существует для нас не непосредственно, а лишь косвенно, поскольку им определяется поведение других по отношению к нам. Но даже и это последнее важно, в сущности, лишь в той мере, в какой оно способно влиять на изменение того, чем мы являемся сами по себе и для себя. К тому же все происходящее в чужом сознании само по себе для нас безразлично, мы сами к этому равнодушны, лишь только ознакомимся с поверхностью и пустотой мыслей, с ограниченностью понятий, с мелочностью помыслов, с извращенностью взглядов и с

⁷ Не стоит досадовать на людскую низость: что бы о ней ни говорили, она — сила.

⁸ Высшие классы с их блеском, роскошью, великолепием и разного рода тщеславием могут сказать: наше счастье всецело вне нас, его центр — головы других людей».

зablуждениями, присущими большинству людей, и познаем, вдобавок, на личном опыте, каким презрением люди готовы обливать каждого, раз его нечего бояться или если можно надеяться, что это до него не дойдет, в особенности, если нам доведется услышать, как полдюжины баранов пренебрежительно поругивают выдающегося человека. Вот когда мы поймем, что ценить высоко мнение людей — будет для них слишком много чести!

Кто не может найти счастья в двух рассмотренных разрядах благ, т. е. в том, что он такое в действительности, а принужден обратиться к третьему, к тому, чем он является в чужом представлении, для того остался крайне скудный источник счастья. Базисом нашего существа, а следовательно и нашего счастья служит животная сторона нашей природы. Поэтому для благоденствия существеннее всего здоровье, а после него средства к жизни, т. е. доход, могущий избавить нас от забот. Честь, блеск, чин, слава, какую бы ценность мы им ни приписывали, не могут ни соперничать с этими подлинными благами, ни заменять их, в случае надобности мы не задумываясь пожертвовали бы ими ради подлинных благ.

Много даст для нашего счастья, если мы вовремя усвоим ту нехитрую истину, что каждый, прежде всего и в действительности, живет в собственной шкуре, а не во мнении других, и что поэтому наше личное реальное самочувствие, обусловленное здоровьем, способностями, доходом, женой, детьми, друзьями, местом пребывания — в сто раз важнее для счастья, чем то, что другим угодно сделать из нас. Думать иначе — безумие, ведущее к несчастью. Воскликать с энтузиазмом: «честь выше жизни», значит в сущности утверждать: «наша жизнь и довольство — ничто, суть в том, что думают о нас другие». Такое утверждение может рассматриваться разве как гипербола, построенная на той прозаической истине, что честь, т. е. мнение людей о нас, часто весьма необходима для жизни среди людей, к этому, однако, я вернусь позже. Когда же мы видим, что почти все, к чему люди стремятся всю свою жизнь, с крайними напряжениями, ценою тысячи опасностей и огорчений, имеет конечную целью возвысить их во мнении других, ибо ведь не только к чину, титулу, к орденам, но и к богатству, даже к науке и искусству люди тяготеют главным образом ради этой цели, когда мы видим, что уважение других возводится на степень высшей цели, к какой стоит стремиться — нам становится ясной неизмеримость человеческой глупости.

Придавать чрезмерную ценность мнению других — это всеобщий предрассудок, коренится ли он в нашей природе или возник как следствие общественной жизни и цивилизации, во всяком случае, он оказывает на всю нашу деятельность чрезмерное и губительное для нашего счастья влияние, влияние это сказывается во всем, начиная с боязливого рабского трепета пред тем, «что скажут» и кончая Вергилием, вонзающим кинжал в сердце дочери, эта же сила заставляет ради посмертной славы жертвовать спокойствием, богатством, здоровьем, даже жизнью. Предрассудок — это чрезвычайно удобное орудие для того, кто призван повелевать или управлять людьми, поэтому во всех отраслях искусства дрессировки людей первое место отведено наставлению о необходимости поддерживать и развивать в себе чувство чести. Но с точки зрения интересующего нас личного счастья дело обстоит иначе: следует, наоборот, отговаривать людей от чрезмерного уважения к мнению других. Если все же, как то наблюдается повседневно, большинство людей придает высшую ценность именно чужому мнению и поэтому заботятся о нем больше, чем о том, что, происходя в их собственном сознании, существует непосредственно для них, если, вопреки естественному порядку, чужое мнение кажется им реальной, а настоящая их жизнь — идеальной стороной их бытия, если они возводят в самоцель нечто второстепенное и производное, и их образ в чужом представлении ближе для них, чем само их существо — то столь высокая оценка того, что непосредственно для них не существует, составляет глупость, называемую тщеславием, *vanitas* — термин, указывающий на пустоту и бессодержательность подобных стремлений. Отсюда понятно, почему заблуждение это, так же, как и скупость, ведет к тому, что цель забывается и ее место занимают средства: «за средствами забывается цель».

Высокая ценность, приписываемая чужому мнению, и постоянные наши заботы о нем настолько преступают, по общему правилу, границы целесообразности, что принимают характер мании, мании всеобщей и, пожалуй, врожденной. Во всей нашей деятельности мы справляемся прежде всего с чужим мнением, при точном исследовании мы убедимся, что почти 1/2 всех когда-либо испытанных огорчений и тревог вытекает из заботы о его удовлетворении. Забота эта составляет подоплеку так легко оскорбляющегося — ввиду болезненной чувствительности — самолюбия, всех наших претензий, всякого тщеславия, суетности и роскоши. Без этой заботы, без этого безумия не было бы и 1/10 той роскоши, какая есть сейчас. На этой заботе покоятся всякая гордость, щепетильность, любой *point d'honneur*, в самых различных видах и сферах, и сколько жертв приносится ей в угоду! Она проявляется еще в ребенке, растет с годами, и сильнее всего становится в старости, когда, по исчезновении способности к чувственным наслаждениям, тщеславию и высокомерию предстоит делиться властью лишь со скупостью. Черта эта резко всего обозначается у французов, у коих она принимает характер эпидемии и выливается в пошлейшее честолюбие, в смешную, карикатурную национальную гордость и в бесстыднейшее хвастовство, но в этом случае тщеславие подкопало само себя, превратив себя в посмешище других наций, а громкое имя «*la grande nation*» — в насмешливую кличку.

Чтобы яснее изобразить ненормальность чрезмерного уважения к чужому мнению, приведу чрезвычайно наглядный, вырисовывающийся крайне рельефно благодаря сочетанию эффектных обстоятельств с характерными штрихами, пример свойственной человеческой природе глупости, на этом примере можно будет определить силу интересующего нас мотива. Привожу отрывок из напечатанного в «Times» 31-го марта 1846 г. подробного отчета о только что совершенной казни Томаса Уикса, подмастерья, из мести убившего своего хозяина: «В назначенное для казни утро преступника посетил достопочтенный духовник тюрьмы. Однако Уикс, держась, впрочем, весьма спокойно, не слушал его увещаний. Его занимал один только вопрос: удастся ли ему выказать достаточно мужества пред толпой, собравшейся смотреть на его казнь. И это ему удалось. Проходя по двору, отделявшему тюрьму от выстроенной близ нее виселицы, он сказал: «Теперь я скоро постигну великую тайну, как говорил д-р Додд». С завязанными руками он без всякой помощи поднялся по лестнице на эшафот, добравшись доверху, он поклонился направо и налево, за что был вознагражден громкими одобрительными возгласами собравшейся тысячной толпы».

Не правда ли, великолепный образчик тщеславия: имея пред собою самую ужасную смерть, а там, дальше — вечность, заботиться лишь о том, какое впечатление удастся произвести на толпу сбежавшихся зевак, и о мнении, какое создается в их умах!

Точно так же Леконт, казненный в том же году во Франции за покушение на жизнь короля, досадовал, во время процесса, главным образом на то, что ему не удалось предстать пред судом пэров в приличном костюме, даже в минуту казни главной неприятностью было для него то, что ему не позволили побриться перед этим. Что и раньше случалось то же — это мы видим из предисловия к знаменитому роману Матео Алемана «Гуцман де Альфарак», где он говорит, что иные «глуповатые» преступники, вместо того, чтобы посвятить последние часы исключительно спасению души, пренебрегают этим и тратят их на то, чтобы сочинить и запомнить краткую речь, которую они произнесут с высоты виселицы.

Впрочем, в этих штрихах отражаемся мы сами: ведь редкие, крупные явления дают лучший ключ к разгадке обыденных явлений. Все наши заботы, огорчения, мучения, досада, боязливость и усилия обуславливаются в сущности, в большинстве случаев вниманием к чужому мнению, а потому так же абсурдны, как забота только что упомянутых преступников. Из того же источника берут обычно начало также зависть и ненависть.

Очевидно, ничто не способствует нашему счастью, строящемуся в большей части на спокойствии и удовлетворенности духа, более, чем ограничение, сокращение этого движущего элемента — внимания к чужим мнениям — до предписываемого благоразумием предела, составляющего, быть может, 1/50 настоящей его силы, надо вырвать из тела терзающий нас шип. Это, однако, очень трудно: ведь дело касается естественной, врожденной испорченности. «Жажда славы — последняя, от которой отрешаются мудрецы», сказал Тацит (Hist. IV, 6). Единственным средством избавиться от этого всеобщего безумия было бы явно признать его таковым и с этой целью выяснить себе, насколько неправильны, извращенны, ошибочны и абсурдны людские мнения, которые поэтому сами по себе не достойны внимания, далее — как мало реального влияния оказывает на нас в большинстве случаев и дел чужое мнение, обычно к тому же неблагоприятное: — почти каждый обиделся бы до слез, если бы узнал все, что о нем говорят и каким тоном это произносится, наконец — что даже честь имеет лишь косвенную, а не непосредственную ценность и т. п. Если бы удалось исцелить людей от их общего безумия, то в результате они бы невероятно выиграли в смысле спокойствия и веселости духа, приобрели бы более твердую, самоуверенную tenue и свободу, естественность в своих поступках. Чрезвычайно благоприятное влияние, оказываемое замкнутым образом жизни на наше спокойствие, основано преимущественно на том, что уединение избавляет нас от необходимости жить постоянно на глазах у других и, следовательно, считаться с их мнениями, и этим возвращает нас самим себе. Но кроме этого мы избегли бы многих реальных несчастий, к которым приводит жажда славы — это якобы идеальное стремление, вернее пагубное безумие, и получили бы возможность гораздо больше заботиться о реальных благах и беспрепятственно наслаждаться ими. Но, «все разумное трудно...» Этот недочет нашей культуры разветвляется на три главных побега: на честолюбие, тщеславие и гордость. Различие между двумя последними состоит в том, что гордость есть уже готовое убеждение самого субъекта в высокой своей ценности, тогда как тщеславие есть желание вызвать это убеждение в других, с тайной надеждой усвоить его впоследствии самому. Другими словами, гордость есть исходящее изнутри, а следовательно непосредственное уважение самого себя, тщеславие же есть стремление приобрести таковое извне, т. е. косвенным путем. Поэтому тщеславие делает человека болтливым, а гордость — молчаливым. Но тщеславный человек должен бы знать, что доброе мнение других, которого он так добивается, гораздо легче и вернее создается молчанием, чем говорливостью, даже при умении красно говорить.

Не всякий, кто хочет быть гордым, горд на самом деле, самое большее, что он может — это аффектировать гордость, но и этой, как и всякой другой роли, он скоро изменит. Истинно горд лишь тот, кто имеет непоколебимое внутреннее убеждение в своих непреложных достоинствах и особенной ценности. Ошибочно ли это убеждение, основано ли оно лишь на внешних, условных достоинствах — это не играет

роли, раз только гордость подлинна и серьезна. Но если гордость коренится в убеждении, она, как и всякое убеждение, не зависит от нашего произвола. Злейшим ее врагом, величайшей ее помехой является тщеславие, добивающееся чужого одобрения для того, чтобы на нем построить собственное убеждение в своих преимуществах, гордость же предполагает наличие такого, притом твердого установившегося убеждения.

Часто порицают, бранят гордость, но я думаю, что нападают на нее главным образом те, кто не имеет ничего, чем мог бы гордиться. При бесстыдстве и глупой наглости большинства, всякому, обладающему какими-либо внутренними достоинствами, следует открыто выказывать их, чтобы не дать о них забыть, кто в простоте душевной не сознает их и обращается с людьми, как с равными себе, того люди искренно сочтут за равню. Особенно я посоветовал бы этот образ действий тем, кто обладает высшими — реальными, чисто личными достоинствами, о которых нельзя постоянно напоминать путем воздействия на внешние чувства, путем, напр., орденов и титула, в противном случае может осуществиться латинская поговорка о свинье, поучающей Миневру. «Не шути с рабом, не то он покажет тебе зад», гласит прекрасная арабская пословица, не следует забывать и слов Горация: «выказывай благородство, соответствующее заслугам». Скромность — это прекрасное подспорье для болванов, она заставляет человека говорить про себя, что и он такой же болван, как и другие, в результате выходит, что на свете существуют одни лишь болваны.

Самая дешевая гордость — это гордость национальная. Она обнаруживает в зараженном ею субъекте недостаток индивидуальных качеств, которыми он мог бы гордиться, ведь иначе он не стал бы обращаться к тому, что разделяется кроме него еще многими миллионами людей. Кто обладает крупными личными достоинствами, тот, постоянно наблюдая свою нацию, прежде всего подметит ее недостатки. Но убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается за единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит, он готов с чувством умиления защищать все ее недостатки и глупости. Так, напр., из 50 англичан едва ли найдется один, который согласится с вами, если вы с должным презрением отзоветесь о глупом и унижительном ханжестве его нации, если такой найдется, то он окажется, наверное, умным человеком.

У немцев нет национальной гордости, что лишний раз доказывает их честность, но нет этой честности в тех, кто комично аффектирует национальную гордость, как, напр., «Deutsche Bruder» и демократы, лестью совращающие народ. Говорится, правда, что немцы изобрели порох, но я не согласен с этим. Лихтенберг спрашивает: «почему, если человек хочет скрыть свою национальность, он не станет выдавать себя за немца, а большей частью за француза или англичанина?» Впрочем, индивидуальность значительно перевешивает национальное начало, и в каждом данном человеке она заслуживает в тысячу раз больше внимания, чем это последнее. Нельзя не признать, что в национальном характере мало хороших черт: ведь субъектом его является толпа. Попросту говоря, человеческая ограниченность, извращенность и испорченность принимают в разных странах разные формы, которые и именуются национальным характером. Когда опротивеет один, мы пускаемся расхваливать другой, пока с тем не случится того же. Каждая нация насмехается над другими, и все они в одинаковой мере правы.

Тема этой главы — то, что мы собою представляем, т. е. чем являемся в глазах других, может быть расчленена, как сказано выше, на вопросы о чести, чине и славе.

Чин, как ни важен он в глазах толпы, как ни велика его польза в работе государственного механизма, может быть разобран в наших целях в нескольких словах. Ценность его условна, т. е. в сущности, поддельна, проявление его — подлинное почтение, а в общем все это — комедия для толпы. Ордена — это векселя, выданные на общественное мнение, их ценность зависит от кредита заимодавца. Тем не менее, даже помимо тех крупных сумм, которые они, заменяя собою денежное вознаграждение, сберегают государству, ордена являются и в другом отношении вполне целесообразным учреждением, при условии, что их назначение совершается справедливо и умно. У толпы есть глаза и уши, но крайне мало рассудка и столько же памяти. Одни заслуги лежат вне сферы ее понимания, другие ей понятны, она аплодирует в момент их совершения, но вскоре забывает их. В этом случае я считаю уместным создать в виде креста или звезды всюду и всегда слышное и понятное толпе напоминание: «этот вам не ровня, за ним есть заслуги». При несправедливом, неразумном или щедром назначении орден теряет эту ценность, а потому в этом следует соблюдать такую же осторожность, с какой купец подписывает векселя. Надпись «pour le merite» на кресте — плеоназм: каждый орден дается «pour le merite» — это само собой разумеется.

Исследование чести будет труднее и пространнее анализа чина. Прежде всего следует ее определить. Если бы я сказал, что честь — это внешняя совесть, а совесть — это внутренняя честь, то это определение понравилось бы, пожалуй, многим, но было бы скорее блестящим, нежели ясным и глубоким. Правильнее сказать, что объективно честь есть мнение других о нашей ценности, а субъективно — наша боязнь пред этим мнением. В этом последнем смысле честь имеет часто благотворное, хотя и не чисто моральное влияние на благородного человека.

Основа и происхождение чувств чести и стыда, присущих каждому не вконец испорченному человеку, и высокой ценности, признаваемой за честью — лежат в следующем. Отдельный человек слаб, как

покинутый Робинзон, лишь в сообществе с другими он может сделать многое. Это сознается им с того момента, как начинает развиваться его сознание, и тогда же в нем рождается желание считаться полноправным членом общества, способным активно участвовать в общем деле и, следовательно, иметь право пользоваться всеми выгодами человеческого общества. Он может достигнуть этого, выполняя то, чего ждут и требуют во-первых, ото всех и везде, во-вторых, от него в частности, сообразно с занимаемым им положением. Но он скоро видит, что не столь важно быть деятельным членом общества на свой взгляд и совесть, сколько казаться таковым на взгляд других. Отсюда — старательная охота за благоприятным мнением других и высокая ценность, ему придаваемая, и то, и другое проявляется с непосредственностью врожденного чувства, называемого чувством чести или, при известных условиях, стыдливостью. Это чувство заставляет человека краснеть, когда, считая себя в душе невиновным, он полагает, что проиграл во мнении других, даже если обнаруживающийся промах касается условного, т. е. произвольно возложенного на себя обязательства. С другой стороны, ничто не укрепляет так его жизнерадостности, как возникшая или возобновленная уверенность в благоприятном мнении других о нем: оно обеспечивает ему охрану и помощь соединенных сил общества, составляющих неизмеримо более действительный оплот против житейских зол, чем его собственные силы.

Из различных отношений, в которых человек может находиться к другим, и которыми обуславливается питаемое к нему доверие, т. е. благоприятное о нем мнение, вытекает несколько видов чести. Главные из этих отношений — это отношения имущественные, служебные обязанности и отношение полов, им соответствуют честь гражданская, служебная и половая, из коих каждая имеет еще несколько подразделений.

Самую широкую сферу охватывает гражданская честь, она заключается в предположении, что мы безусловно уважаем права каждого и поэтому никогда не воспользуемся к своей выгоде несправедливыми или законом запрещенными средствами. Она — первое условие для участия во всех мирных сношениях. Она теряется при первом же открыто и резко вредящем этим сношениям поступке, следовательно, с первым уголовным наказанием, правда, при условии его справедливости. Первичной основой чести всегда является убеждение в неизменности нравственного характера человека, так что единственный скверный поступок заставляет предполагать, что и все дальнейшие действия при тех же условиях будут иметь тот же скверный характер, на это указывает и английский термин «character»,⁹ обнимающий репутацию и честь. Поэтому потерянную честь нельзя восстановить, разве что эта потеря основана на ошибке, клевете или недоразумении. Клевета, пасквили и оскорбления караются законом: ведь оскорбление или брань — это в сущности та же клевета, лишь ничем не обоснованная, греки выразились бы: «оскорбление — это клевета вкратце» (впрочем, такого изречения нет нигде). Ругая кого-либо, человек тем самым показывает, что он не может привести против него ничего обоснованного и верного, ибо иначе он начал бы с этого, а вывод спокойно предоставил бы другим, вместо этого он выносит свое заключение, не давая посылки, он рассчитывает обыкновенно, что слушатели предположат, будто он поступает так лишь ради краткости.

Термин «Burgeliche Ehre» — гражданская честь, производится от слова «Burger», тем не менее действие ее распространяется на все сословия без различия, не исключая и высших, никто не изъят от ее велений, она играет столь важную роль, что всякий должен остерегаться относиться к ней слегка. Кто нарушил раз доверие — теряет его навсегда, что бы он ни делал и чем бы он ни был — горькие плоды этой потери не заставят себя ждать.

Честь имеет в известном смысле отрицательный характер, в противоположность славе, имеющей характер положительный, честь есть мнение не об особенных свойствах, присущих только данному субъекту, а об таких, какие предполагаются во всех людях, а в частности, следовательно, и в данной личности. Честь субъекта показывает лишь, что он не составляет исключения, слава же, что он является именно исключительной личностью. Поэтому славу приходится завоевывать, честь же — только хранить, не терять. Отсутствие славы есть безызвестность, нечто отрицательное, отсутствие чести — позор, нечто положительное. Эту отрицательность не следует смешивать с пассивностью, напротив, честь имеет вполне активный характер. Она истекает единственно из ее субъекта, основывается на его деяниях, а не на поступках других и не на том, что с ним случается, словом, честь — это качество внутреннее. Мы скоро убедимся, что это и есть признак, отличающий истинную честь от рыцарской, ложной. Чести можно повредить извне лишь путем клеветы, единственная защита от клеветы — это опровержение ее с надлежащей гласностью и с обнаружением ее несостоятельности.

По-видимому, уважение к старости основано на том, что, хотя у молодых людей и предполагается честь, но она еще не испытана, и признается за ними как бы в кредит. У людей же пожилых за срок их жизни выяснилось, доказали ли они на деле свою честь. Ни возраст сам по себе, — так как животные достигают иногда более преклонных лет, чем люди, ни опыт, в смысле близкого знакомства с жизненным круговоротом,

⁹ Соответствует нашему понятию «типа».

не являются достаточным основанием уважения младших к старшим, требуемого повсюду, слабость преклонного возраста могла бы вызывать скорее снисхождение, чем уважение. Замечательно, что человеку врождено и переходит постепенно в инстинкт почтение именно к седине. Морщины — гораздо более верный признак старости — не внушают этого почтения, очень часто говорят «почтенная седина» и никогда — «почтенные морщины».

Честь имеет лишь косвенную ценность. Как показано в начале этой главы, мнение других ценно для нас лишь постольку, поскольку им определяется, или может при случае зависеть от него обращение людей с нами. Но ведь эта зависимость существует все время, пока мы живем с людьми. Так как при нашей цивилизации безопасностью и собственностью мы обязаны лишь обществу и во всех предприятиях нуждаемся в других, которые станут помогать нам лишь в том случае, если питают к нам доверие, то их мнение имеет хотя и косвенную, но все же высокую ценность для нас, признать за ним непосредственную ценность я, однако, никак не могу, того же мнения держится Цицерон (fin. 113, 17): «Хризипп и Диоген говорили, что если вычесть пользу, приносимую нам доброй славой то не стоило бы пошевелить пальцем ради нее, с этим я вполне согласен». Ту же идею более пространно излагает Гельвеций в мастерском исследовании «De L'esprit» (Disc. III, ch. 13) и приходит к следующему: «Мы ценим уважение не ради его самого, а ради доставляемых им выгод». А так как средство не может быть выше, дороже цели, то торжественная фраза «честь выше жизни» остается, как сказано, гиперболой. Вот все, что можно сказать о гражданской чести.

Служебная честь есть всеобщее мнение о том, что человек, занимающий какую-либо должность, действительно обладает всеми необходимыми для того данными и всегда точно исполняет свои служебные обязанности. Чем важнее и шире сфера деятельности человека в государстве, чем выше и влиятельнее занимаемый им пост, тем выше должно быть мнение о его умственных и нравственных качествах, делающих его достойным этого поста, параллельно с последним повышается и степень его чести, выражающейся в овне в орденах, титуле и т. п., вместе с тем растет и «подчиненность» в обращении с ним. Обыкновенно и сословие в такой же мере определяет тот или иной объем чести, разнообразящийся, правда, в зависимости от того, насколько толпа уясняет себе значение данного сословия. Но всегда за тем, кто имеет и выполняет особые обязанности, признается больше чести, чем за рядовым гражданином, честь коего носит преимущественно отрицательный характер.

Далее, служебная честь требует, чтобы занимающий известную должность поддерживал бы ради своих коллег и преемников, уважение к ней путем точного исполнения своих обязанностей, а также чтобы он не оставлял безнаказанными нападки на должность или на себя, в качестве ее представителя, т. е. обвинения в том, что он плохо исполняет свое дело или что сама должность вредит общему благу, подвергнув виновного законному наказанию, он должен доказать, что его нападки несправедливы.

Служебная честь подразделяется на честь чиновника, врача, адвоката, учителя, даже ученого, иначе говоря — каждого, кто официальным актом признан способным к исполнению известного умственного труда и возложившего поэтому на себя известные обязанности, словом — честь всех, принадлежащих к категории общественных деятелей. Сюда же относится и истинная воинская честь, она состоит в том, что каждый, принявший на себя обязанность защищать отечество, действительно должен обладать необходимыми для того качествами, т. е. прежде всего храбростью и силой, постоянною готовностью до последней капли крови защищать родину и ни в коем случае не покидать знамени, которому он присягал.

Я придал служебной чести смысл шире того, какой вкладывается обыкновенно в этот термин: обычно им обозначают только уважение, с каким следует относиться к самой должности.

Половая честь, ее источники и основные положения требуют на мой взгляд подробнейшего рассмотрения и исследования, кстати, при этом мы выясним, что всякая честь основана, в конце концов, на соображениях целесообразности. По своей природе половая честь разделяется на мужскую и женскую и является в обоих случаях проявлением вполне разумного «*esprit de corps*».¹⁰ Женская честь несравненно важнее мужской, так как в жизни женщины половые отношения играют главную роль. Женская честь заключается во всеобщем мнении, что девушка не принадлежала ни одному мужчине, и что замужняя женщина отдавалась лишь своему мужу. Важность этого мнения обуславливается следующим. Женский пол требует и ждет от мужского всего, чего он желает и в чем он нуждается, мужчины же требуют от женщин прежде всего и непосредственно лишь одного. Следовательно, надлежит устроить так, чтобы мужской пол мог получать от женского это одно не иначе, как взять на себя заботы обо всем и в частности о рождающихся детях, на этом порядке покоится все благосостояние женского пола. Чтобы провести его в жизнь, все женщины должны соединиться, развить в себе прочный «*esprit de corps*». Тогда они, как одно целое, сплоченной массой выступают против мужчин, владеющих, благодаря природному превосходству

¹⁰ Партийный дух.

физической и духовной силы, всеми земными благами, как против общего врага, которого следует победить, покорить и этой победой забрать земные блага в свои руки. Ввиду этой цели первая заповедь женской чести заключается в том, чтобы не вступать во внебрачное сожителство с мужчинами, дабы каждый мужчина вынуждался к браку, как к капитуляции, этим весь женский пол был бы обеспечен. Этой цели можно вполне достигнуть лишь при строгом соблюдении приведенной заповеди, и женский пол поэтому с истинным «*esprit de corps*» блюдет за неуклонным соблюдением ее всеми его членами. На этом основании каждая девушка, изменившая своему полу путем внебрачного сожителства, изгоняется из женской среды — ибо, если бы ее образ действий стал всеобщим, пострадало бы благосостояние всего женского пола, и считается обесчещенной, она потеряла честь. Ни одна женщина не должна знаться с ней, ее избегают, как зачумленной. Та же участь ждет изменившую мужу жену, ибо она нарушила заключенное с ним условие, и этот пример ее отпугнет других мужчин от совершения брачной сделки, на которой, как сказано, зиждется благосостояние всего женского пола. Сверх того за грубое нарушение данного слова, за обман, она теряет вместе с половой честью честь гражданскую. Поэтому говорят иногда снисходительным тоном: «падшая девушка», но не сожалеют о «падшей женщине», соблазнитель может женитьбой восстановить честь девушки, но ни развод, ни брак с любовником не возвратят чести изменившей жене.

Убедившись из сказанного, что подоплекой женской чести является не что иное, как спасительный, даже неизбежный, хорошо рассчитанный и опирающийся на прямую выгоду «*esprit de corps*», можно признать огромную важность этой чести в жизни женщины и ее крупную относительную ценность, но никак нельзя приписать ей абсолютной ценности, поставить ее выше жизни и ее целей или считать, что ради нее должно жертвовать жизнью. Не следует поэтому аплодировать вырождающимся в трагические фарсы экзальтированным поступкам Лукреции и Виргиния. Конец Эмилии Галотти настолько возмутителен, что с представления уходишь в отвратительнейшем настроении. И наоборот, вопреки всем принципам половой чести нельзя не симпатизировать Клерхен из Эгмонта. Доводить до последней крайности веления женской чести — это значит за средствами терять из виду саму цель, этим половой чести придается абсолютная ценность, тогда как она, как и всякая честь, имеет лишь ценность относительную, скорее даже условную: стоит прочесть Томазиуса «*De concubinato*», чтобы увидеть, что в большинстве стран и эпох до реформации Лютера конкубинат был дозволенным, санкционированным законом институтом, при котором конкубинат продолжала считаться честной, нечего и говорить о Милите Вавилонской (Herodot, I, 199).

Иногда общественный строй делает невозможным соблюдение формальной, официальной стороны брака, в особенности в католических странах, где нет развода, больше всего приходится считаться с этим правителям, которые, на мой взгляд, поступают нравственнее, обзаводясь любовницей, чем вступая в морганатический брак, ибо потомство от этого брака, в случае вымирания законной линии, может выступить претендентом на престол, поэтому такой брак делает возможной, хотя и в отдаленном будущем, междоусобную войну. Помимо того, брак морганатический, т. е. заключенный наперекор всем внешним условиям, является в конце концов концессией, дарованной женщинам и попам, двум классам, которым надо остерегаться предоставлять что бы то ни было. Нельзя забывать, что каждый может свободно выбирать себе жену, кроме одного только, лишённого этого естественного права: этот бедняга — правитель страны. Его рука принадлежит стране и он, предлагая ее, должен руководствоваться государственной пользой — благом страны. Но ведь он человек и хочет хоть в чем-нибудь следовать влечению своего сердца. Поэтому несправедливо, неблагоприятно и низко запрещать правителю иметь любовницу или упрекать его за это, пока, разумеется, ей не предоставляется влиять на дела правления. Но и сама фаворитка в отношении половой чести стоит совершенно особо, изъята из общей нормы: ведь она отдалась мужчине, который ее любит, любим ею, но не может на ней жениться.

Что принцип женской чести не чисто естественного происхождения, об этом свидетельствуют бесчисленные кровавые жертвы, приносимые ему в виде детоубийства и самоубийства матерей. Правда, девушка, вступающая в незаконное сожителство, изменяет этим всему своему полу, но ведь в верности ему она обязалась лишь молчаливым соглашением, а не клятвой. И так как, обычно, от этого страдает прежде всего ее собственный интерес, то следовательно, неразумности в ее поступке гораздо больше, чем испорченности.

Половая честь мужчин создалась благодаря женской чести, в силу противоположного «*esprit de corps*», требующего, чтобы каждый, вступивший в столь выгодную для противной стороны сделку — в брак — следил бы отныне за ее нерушимостью, дабы самый договор не потерял бы своей прочности при небрежном к нему отношении, и дабы мужчины, отдавая все, могли быть уверены в том единственном, что они себе выговаривают — в неразделенном обладании женою. Поэтому мужская честь требует, чтобы муж мстил за измену жены или, по крайней мере покидал бы ее. Если он, зная об измене, примирится с нею, то общество мужчин покроет его позором, который, правда, далеко не так тяжел, как позор, падающий на потерявшую половую честь женщину, это лишь «легкое бесчестье», ибо у мужчины половые отношения занимают подчиненное место, так как у него много других более важных. Два великих драматурга нового времени

избрали, каждый по два раза, сюжетом мужскую честь: Шекспир в «Отелло» и «Зимней сказке» и Кальдерон в «El medico de su honra» и «A secreto agravio secreta venganza». Честь эта требует лишь наказания жены, не любовника, место коему имеет «добавочный», факультативный характер, чем еще раз подтверждается происхождение чести из мужского «esprit de corps».

Честь в тех видах и принципах ее, какие я до сих пор рассматривал, встречается и действует у всех народов, во все времена, правда, иногда, в зависимости от условий места и времени, несколько меняется принцип женской чести. Но есть еще один вид чести, совершенно отличный от всеобщей, всюду признаваемой чести, о котором не имели понятия ни греки, ни римляне, а китайцы, индусы, магометане не слышали и по настоящее время. Этот род чести возник в Средние века, привился лишь в христианской Европе, но и то только среди крайне ограниченной группы населения, а именно в высшем слое общества и в тех слоях, которые к нему подлаживаются. Это — честь рыцарская, так наз. «point d'honneur». Так как принципы ее совершенно отличны от той чести, о которой мы говорили, и даже частью противоположны им (ибо первая создает «честного человека», а вторая, «человека чести»), то я изложу в отдельности все положения, образующие зеркало, кодекс рыцарской чести.

1) Честь заключается не во мнении других о нашей ценности, но единственно в выражении этого мнения, существует ли это мнение в действительности или нет — это безразлично, не говоря уж о том, обосновано ли оно. Согласно этому, другие могут быть, вследствие нашего поведения, самого скверного о нас мнения и глубоко презирать нас, но, пока никто не осмеливается громко его высказать, оно нимало не вредит чести. И наоборот, если наши качества и поступки таковы, что вынуждают всех окружающих (ибо это не зависит от их произвола) высоко ценить нас, то стоит кому-нибудь, будь это гнуснейшая и глупейшая личность, выказать нам презрение — и наша честь уже оскорблена, даже потеряна навеки, если мы ее не восстановим. Лишним доводом к тому, что в данном случае важно отнюдь не мнение других, а лишь его выражение, служит то, что оскорбления могут быть взяты назад, в них можно извиниться, после чего они считаются как бы не нанесенными, изменилось ли при этом само мнение, вследствие коего они последовали, и почему оно изменилось — это не играет роли, достаточно аннулировать внешнюю сторону оскорбления и делу конец. Значит, все сводится не к тому, чтобы заслужить уважение, а чтобы вынудить его.

2) Честь человека зависит не от того, что он делает, а от того, что он претерпевает, что с ним случается. По основному положению только что рассмотренной, всюду действующей чести, она зависит только от того, что говорят или делают другие: она находится, следовательно, в руках, висит на кончике языка каждого встречного, стоит ему захотеть — и она потеряна навеки, если оскорбленный не восстановит ее особым актом, речь о котором впереди, акт этот сопряжен, однако, с опасностью для его жизни, свободы, имущества и душевного покоя. Поведение человека может быть чрезвычайно порядочным, благородным, его характер — прекрасным и ум — выдающимся, и все же его честь каждое мгновение может быть отнята: стоит лишь обругать его первому попавшемуся, который, хотя сам и не нарушил законов чести, но в остальном — последний из негодяев, тупейшая скотина, бездельник, картежник, запутан по уши в долгах — словом личность, не годящаяся оскорбленному и в подметки. В большинстве случаев именно такие типы и оскорбляют порядочных людей, Сенека правильно заметил: «чем ниже, чем более презираем человек, тем развязнее его язык» (de constantia 11), такой тип вероятнее всего накинется именно на порядочного человека: ведь противоположности ненавидят друг друга, а крупные достоинства пробуждают обычно глухую злобу в ничтожных людях, по этому поводу Гете выразился: «Не жалуйся на врагов, хуже было бы, если бы они стали друзьями, которым твоя личность была бы вечным, тайным упреком».

Ясно, насколько люди только что описанного пошиба должны быть признательны этому принципу чести, ставящему их на одну доску с теми, кто во всех остальных отношениях неизмеримо выше их. Если такой субъект обругает, т. е. припишет другому какое-либо скверное свойство, то хоть на время это сойдет за объективно верное и обоснованное суждение, за нерушимый приговор и будет на веки вечные почитаться справедливым, если не будет смыто кровью, словом, оскорбленный, проглотивший оскорбление, остается на взгляд так наз. «людей чести» тем, чем его назвал оскорбитель (будь это гнуснейший человек). За это «люди чести» глубоко презирают его, избегают, как зачумленного, напр., открыто, громко отказываются посещать те дома, где он бывает, и т. п. С уверенностью можно отнести происхождение этого мудрого взгляда к Средним векам, когда, вплоть до XV столетия, в уголовном процессе не обвинитель должен был доказывать вину, а обвиненный — свою невинность. Это совершалось путем «очистительной» клятвы, для чего требовались однако еще consacramentales — друзья, которые поклялись бы, что уверены в том, что обвиненный не способен на лжеприсягу. Если таких друзей не было, или обвинитель предъявлял против них отвод, то оставался Божий суд, обычно в виде поединка — обвиненный должен был себя очистить, «смыть с себя навет». Вот откуда берет начало понятие «смыть обиду», да и весь кодекс чести, принятый в среде «людей чести», из него выпала разве только одна клятва.

Этим объясняется глубокое возмущение, неизменно охватывающее «людей чести» при обвинении их во лжи, и заставляющее их требовать крови — мечь, представляющаяся, при обыденности лжи, весьма